

18+

Виктор Харебов

Сергей Харебов

*Свет луны
в пустой чаше*

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

СВЕТ ЛУНЫ В ПУСТОЙ ЧАШЕ

Из цикла «Хроники стародавних
царств»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-445
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харегов Виктор

Х20 Свет луны в пустой чаше : Из цикла «Хроники стародавних царств» / Виктор Харегов, Сергей Харегов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 90 с.
ISBN 978-5-0067-1696-4

Золотой век Китая — эпоха Тан, когда меч и кисть, власть и поэзия, ритуал и личная философия нашли почти мистическое равновесие. Среди цветущих слив и звуков флейты над прудом двое путешественников во времени встречаются Ли Бо — поэта, чьи строки живут сквозь века. В этой повести — беседы о тишине, свободе и вечности. О встрече, которая не могла произойти, и о свете луны, который остается даже в пустой чаше.

УДК 82-3
ББК 84-445

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-1696-4

© Виктор Харегов, 2025
© Сергей Харегов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Те, кто ищут истину, идут не туда, где громко,
а туда, где долго звучит эхо.*

*Надпись на стене
одного из монастырей эпохи Тан*

Пусть читатель, открывший эту повесть, не ищет в ней шума подвигов и грома сражений. Пусть не ожидает он ни славы героев, ни конца, что расставит все по местам.

Здесь рассказано о чаше, что пуста — и все же наполнена светом. О луне, что светит в минувшее. О встрече, которую не зовут, но которая приходит сама.

В старинные времена говорили: «Когда путь исчезает, мудрец идет по теням». И еще: «Истина не любит слов, но слышится в тишине между строк». Мир велик, но нить времени тоньше шелка. Есть те, кто прошел по этой нити сквозь века.

В этой книге вы встретите двоих путников из будущего: ученого, знающего древность и хрупкость памяти, и женщину, что слышит язык, давно ушедший из уст людей. Судьба приводит их в эпоху золотого века Китая — во времена династии Тан.

С неба сходил теплый свет, и дыхание земли становилось мягким, время замедлило свой ход — и наступил час цветения. На склонах зацвели сливы, и весь воздух напол-

нился светом лепестков. Под цветущими сливами собрались поэты, философы и странники духа на праздник Цветения — праздник красоты, вина и поэзии.

И среди поэтов, музыкантов и мудрецов путники встретили его — Отшельника Зеленого Лотоса, Ли Тайбо. Одного из величайших поэтов, каких знало человечество. Его называют бессмертным. Его стихи звучат на сотнях языков, хранятся в книгах, музеях и человеческой памяти. Как горные ручьи, они ускользают от попыток удержать их — но именно в их течении живет дыхание поэзии мира.

Но он был не просто поэтом — он был голосом самой природы, странствующим сквозь века. Он смеялся так, как смеется тот, кто давно понял: истина не любит слов, истина тихо дышит между строк.

Читайте эту повесть так, как идут по бамбуковой роще в час безветрия — неспешно, вслушиваясь в тишину. Не ищите поучения. Пусть слово само коснется вас — как отражение, что не исчезает в воде... как свет, скользящий по краю чаши...

ГЛАВА 1.

ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ

Лаборатория экспериментальной хроноархеологии при Институте изучения древних цивилизаций находилась в глубине университетского комплекса, скрытая от посторонних глаз за матовыми стеклянными дверями и двойным уровнем допуска. Там не было окон. Свет исходил от потолочных панелей, ровный, слегка золотистый, как в музее, где хранят ценные артефакты древности.

На стенах — карты временных контуров, распечатки текстов на забытых языках, магнитные схемы, осциллограммы, чертежи устройств, напоминающих произведения кинетического искусства. В центре зала — металлическая платформа, инкрустированная символами, — объект, известный в протоколах как Модель АΩ. Впрочем, между собой сотрудники называли ее проще: Зеркало времени.

Профессор Эдвард Вейр стоял у командной панели, сдвинув на лоб очки. Высокий, с короткими седыми висками и усталым, но живым взглядом, он был человеком, чья репутация давно перешла границы академии. Археолог, лингвист, специалист по структурам древнего знания, он не столько изучал прошлое, сколько разговаривал с ним — спокойно, уважительно, без иллюзий.

Рядом с ним — профессор Эвелин Чжан. Молодая, но уже признанный лингвист, тонкая, собранная, в ее движениях ощущалась легкость — та особая уверенность, что свойственна людям, владеющим искусством разрешать самые сложные задачи. Работы Эвелин Чжан по реконструкции грамматики раннекитайских диалектов считались беспрецедентными в научных кругах.

— Профессор, вы уверены в координатах? — негромко спросила она, глядя на голографическую проекцию временного узла.

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным в показаниях приборной консоли, — ответил Вейр. — Тем не менее давайте еще раз проверим наши расчеты.

Профессор Вейр провел указательным пальцем по голографической шкале консоли управления и включил вспомогательный интерфейс — модуль хронологического прогноза, экспериментальную надстройку к Зеркалу времени, разработанную для оценки культурной насыщенности временных участков.

— Хотите еще раз проверить? — спросила Эвелин с легким удивлением. — Вы ведь уже определили сезон и место.

— Да, — кивнул он. — Но сейчас мне важно не просто время цветения. Мне нужен тот год, когда эти цветы могли увидеть глаза Отшельника Зеленого Лотоса. Я хочу попасть в момент, когда он мог быть на Празднике весны.

Он ввел параметры: Чанъань, эпоха Тан, весенние месяцы, годы активной жизни великих поэтов. Модуль замер на несколько секунд, обрабатывая исторические данные, фрагменты переписки, упоминания в хрониках и биографиях.

На экране всплыла рекомендация:

Рекомендуемый временной сегмент: 742 н. э.

(30-й год эры Кайюань, начало правления императора Сюань-цзуна, культурный расцвет, время совпадения присутствия Ли Бо в столичной области.)

*Праздник мэйхуа¹ – вероятное совпадение: высокое.
Уровень исторической насыщенности: максимальный.
Риск временного конфликта: минимален.*

Вейр молча всмотрелся в цифры.

– Сорок второй. Именно он, – произнес он тихо. – Год, когда расцветают не только сливы, но и сама эпоха – в своей славе и могуществе.

Пока система окончательно фиксировала координаты, Вейр вызвал на экран консоли краткий исторический свод по выбранному временному узлу.

– Семьсот сорок второй, – произнес он с уважением. – Это не просто год. Это вершина эпохи.

На экране возникли строки справки, и голос интерфейса негромко озвучил ключевые события:

742 год н. э. – период наивысшего расцвета Танской империи. Население достигает почти 50 миллионов человек. Чанъань – величайший мегаполис своего времени с населением более миллиона, культурный, административный и духовный центр Восточной Азии.

Через Чанъань проходит Великий Шелковый путь – великая артерия торговли и культурного обмена, связывающая Китай с Персией, Самаркандом, Индией, Тибетом, Кореей, Аравией и Византией. Открыты посольства более чем 70 иностранных государств. Расцвет дворцовой культуры, изысканной живописи, танцев и музыкальных школ.

---

¹ Праздник мэйхуа – один из древнейших весенних праздников в Китае, приуроченный к началу цветения сливы мэйхуа, которое приходится на рубеж зимы и весны. Слива мэйхуа – зимний цветок, распускающийся вопреки холоду и нередко цветущий под снегом, что делает ее символом стойкости, достоинства, скромности, постоянства и вечной любви. Родной мэйхуа считается долина реки Янцзы. В китайской культуре цветы мэйхуа, покрытые снегом, стали выражением национального духа – настойчивости в преодолении трудностей. Пять лепестков сливы символизируют пять благодатей: радость, счастье, долголетие, удачу и мир.

В это время происходит реформирование управления по линии Даоцзунов и усиление конфуцианского кодекса, сохраняется синкретизм трех учений – конфуцианства, буддизма и даосизма. Ли Бо официально приглашен ко двору и начинает период своей самой яркой поэтической деятельности.

– Поразительно, – тихо сказала Эвелин, следя за текстом. – Как будто само время собралось в один узел. Государственный расцвет, дипломатические миссии, поэтический гений...

– И все это – под лепестками слив, – кивнул Вейр. – Именно здесь они встречаются: власть, дух и слово.

Он снова активировал основную панель и перешел к точной установке координат. На этот раз – с чувством полной уверенности в своем выборе.

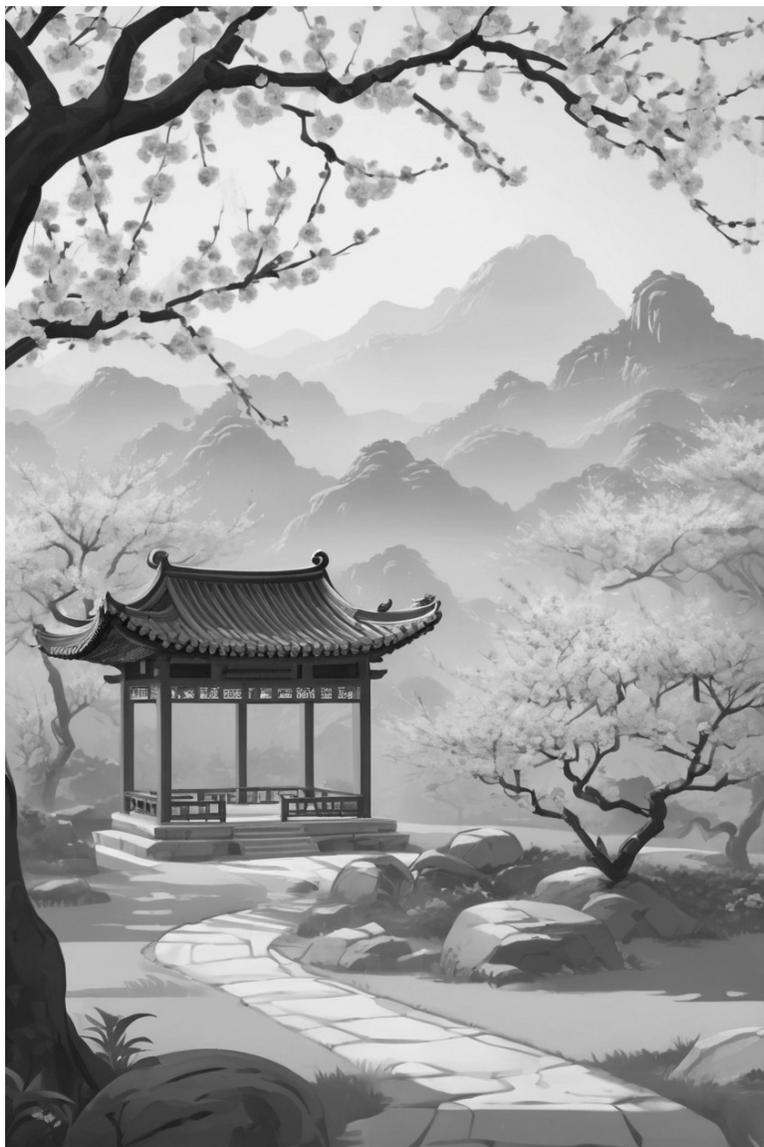
– Готовы? – спросил он, не поднимая глаз.

– Готова, – откликнулась Эвелин. – Теперь – действительно готова.

Он медленно подошел к консоли модуля телепортации. Несколько движений – и защитное поле над панелью отступило, открывая матовую поверхность с тонкими линиями координатной сетки. Он активировал центральный модуль, касаясь сенсорной панели, и голографический интерфейс вспыхнул мягким синим светом. На прозрачном экране проступили координаты: геопривязка, временной вектор, дата по древнекитайскому летоисчислению.

– Координаты установлены, – сказал Вейр, сверяя показания. – Геопривязка: Чанъань, южный склон павильона Сливы и Лунного Света; широта 34.265, долгота 108.954; временной вектор: Кайюань, 30-й год, второй месяц весны, двенадцатый день; Жэнь-у – год Водяной Лошади. Начало праздника мэйхуа.

Вейр пристально взгляделся в показания, как будто сверял не только цифры, но и саму судьбу.

– Все совпадает. Мы перемещаемся в эпоху Тан.

На секунду повисла тишина, и в ней, словно сквозь ткань времени, профессор Вейр вспомнил первую встречу с Эвелин...

Это было полгода назад, на научной конференции по сравнительной поэтике, где Вейр читал доклад о символах звука и пустоты в древнекитайской лирике. После выступления к нему подошла молодая женщина с внимательным, спокойным взглядом.

– Профессор Вейр? Простите... Я давно слежу за вашей работой. Меня зовут Эвелин Чжан. Я занимаюсь танской поэзией, в частности – ее переводами. Ваши идеи о времени как носителе поэтического ритма совпадают с моими наблюдениями.

Он запомнил Эвелин не столько по словам, сколько по интонации. Она говорила как человек не просто знающий, но тонко чувствующий красоту смысла за пределами поэтических строк. Несколько дней спустя она пришла к нему в лабораторию и сказала:

– Если вы и правда готовы отправиться в эпоху Тан – возьмите меня с собой. Я всю жизнь искала голос этой поэзии. Я знаю, как звучат ее образы, как строится ее дыхание, но... я хочу услышать их там, где они были рождены.

Он попытался объяснить, какому риску она себя подвергает:

– Путешествие во времени – это не экскурсия, профессор Чжан. Это риск. Здесь нет гарантии возвращения, нет инструкции, что делать, если культура не примет вас. Вы попадете в мир, где любое ваше движение, слово, взгляд может быть понято иначе. Там нет ни архивов, ни университетов, ни переводчиков. Только вы – и они.

– Именно поэтому я должна быть там, – твердо сказала Эвелин. – Потому что я не боюсь непонимания. Я жила в этих текстах. Я видела эти горы в снах. Если

шанс есть – даже один – я буду настаивать на своей просьбе.

Он долго молчал тогда. А потом кивнул.

– Вы умеете слушать и настаивать на своем. Этого достаточно.

...Теперь, стоя рядом с ним у Зеркала времени, Эвелин улыбнулась и, повернувшись к Вейру, тихо произнесла, словно вспоминая не строки, а дыхание старого свитка:

На углу дома несколько веток сливовых,
Озябшие, одиноко цветут.
Издалека узнаешь – это не снег,
Оттого, что доносится тонкий аромат.

– Превосходно! – отозвался профессор. – Кому принадлежат эти строки?

– Ван Вэю¹, – мягко ответила Эвелин. – Это его стихи... «Зимняя слива». Только он мог бы так точно выразить поэзию этого праздника.

Вейр кивнул, и на его лице мелькнула почти незаметная улыбка. Он чувствовал: они действительно идут не только сквозь время, но и навстречу тому, что когда-то называлось вдохновением.

– Итак, уходим в Тан? – уточнила Эвелин.

– В Чанъань. Весна. Праздник цветущих слив. 742 год нашей эры.

---

¹ Ван Вэй (701–761) – выдающийся китайский поэт, художник и музыкант эпохи Тан.

Приверженец буддизма Чань, Ван Вэй прославился своими короткими, образными стихотворениями, передающими глубокую связь между человеком и природой. Он умел выражать медитацию и внутреннюю ясность средствами минимального языка. Современники называли его «поэтом, в чьих стихах слышна живопись» и «художником, в чьих картинах звучит поэзия».

Он прикоснулся к поверхности устройства. В ней отразился его силуэт — но будто на долю секунды сдвинутый, как в другом свете.

Свет в лаборатории начал дрожать. Не мерцать — а именно дрожать, словно волны пространства начали расходиться от центра, как рябь по воде. Воздух сгустился. Пространство потянулось — и свернулось.

ГЛАВА 2. ШУМ СОСЕН НАД ТИШИНОЙ

Шум ветра. Дальний запах сандала, смешанный с горьковатой свежестью сосновой хвои и дыма. Воздух стал влажным и мягким, как ткань, покрытая росой. Легкая дрожь прошла по коже. Эвелин открыла глаза первой. Она лежала в высокой траве, среди ветвей и тишины. Сквозь игольчатые кроны сосен пробивалась луна — круглая, неестественно ясная, будто вырезанная из серебра..

— Мы... здесь?

Вейр сел, медленно оглядываясь вокруг. Их окружал сосновый лес. Стволы деревьев уходили ввысь, словно колонны храма, и казались почти одинаковыми. Над ними шумел ветер — ровно и протяжно, как музыка флейты, звучащая в пустом зале.

— Ну да, это не лаборатория, — проворчал он. — И не XXI век.

Они поднялись. Трава под ногами была свежа и прохладна от росы. Между деревьями проходила тропа, выложенная камнями, покрытыми мягким мхом. Вдали слышался еле уловимый звук текущей воды.

— Похоже на сад, — прошептала Эвелин. — Или храмовый склон...

— Что-то говорит мне, — отозвался Вейр, — что мы не одни.

Они пошли по тропе, и вскоре впереди показалась беседка из темного дерева, почти сливающаяся с деревьями. Внутри беседки, на низкой деревянной скамье, укрытой плетеной циновкой и уставленной мягкими шелковыми подушками, сидел человек в просторных одеждах. Его лицо было спокойно, глаза закрыты. Он не спал — он слушал едва слышный шепот ветра в сосновых ветвях.

Профессор Вейр застыл, не решаясь заговорить первым. Незнакомец открыл глаза — медленно, будто пробуждаясь от долгого сна — и повернул голову в их сторону. Затем поднялся со скамьи с непринужденной грацией человека, привыкшего к созерцанию. Его голос прозвучал тихо, но со странной уверенностью:

— Вас сюда не вела тропа. Ни одна из тех, что я знаю. Вы пришли издалека, но не из гор. Не с побережья. Не из других провинций. Ваши глаза — как зеркало, в котором отражается что-то, что еще не случилось.

Вейр перевел взгляд на Эвелин. Та ответила едва уловимым кивком, в котором профессор прочел одобрение и обещание поддержки. Он сделал шаг вперед и проговорил с легким волнением:

— Мы пришли не по дороге. Мы пришли — из времени. Из одного из его будущих берегов.

Хозяин беседки плавным движением руки указал на противоположную скамью в беседке — этот жест, исполненный ровно той степени непринужденности и утонченности, что отличала просвещенных мужей эпохи Тан. Его пальцы сложились в изящный илань — жест, которым конфуцианские ученые приглашали к дискуссии:

— Прошу разделить со мной скромный покой этого павильона, — произнес он, и в этих словах звучала вся ритуальная формульность, смягченная легкостью даосского отшельника.

Гости опустились на широкую скамью для гостей, сделанную из хуанхуали — драгоценного красного сандала, чьи плавно изогнутые подлокотники напоминали очертания далеких горных хребтов. Перед ними, на низком столике из черного цзытаня (палисандра), стоял керамический чайник, покрытый изумрудно-зеленой глазурью. Из его изящного носика еще поднимался легкий пар, а петлеобразная ручка сохраняла тепло недавнего кипятка. Рядом, в почтительном полукруге, располагались пустые чаши — нефритового оттенка фарфоровые чавани, ожидающие своей очереди.

Теплый весенний воздух, напоенный ароматом цветения слив, обволакивал беседку. Смолистый запах сосен смешивался с запахом сливового цветения и легкой сыростью от ближайшего ручья. Где-то вдали кричала цапля — ее голос, похожий на скрип бамбуковой флейты, растворялся в вечерней тишине. По небу, окрашенному в цвета циньских шелков — розовато-золотистые у горизонта, лиловые над головой — медленно плыли белоснежные облака.

Профессор Вейр слегка поклонился, сложив ладони у груди в традиционном танском жесте гуншоу:

— Простите, что не знаю вашего почтенного имени... Как мне следует к вам обращаться?

— Ши Лин, — ответил человек. — Когда-то я был хранителем одного из литературных павильонов, потом учителем. А теперь я просто сижу среди сосен. Я слушаю шепот ветра. Иногда — говорю с ним.

Взгляд у него был спокойный, но в этом спокойствии ощущалась пронизательность, как у человека, привыкшего видеть и понимать суть вещей. Его темно-синий халат

(пао) был скроен просто: узкий перекрестный ворот с застежкой под правую руку стягивался под горлом, широкие рукава были собраны у запястья, а завязки на плече едва удерживали ткань, сотканную из простого, но добротного шелка. Скромный покрой лишь подчеркивал изящество рук, привыкших держать свиток или кисть. Его волосы, собранные в небрежный узел, были перехвачены деревянной шпилькой, темная повязка на лбу защищала от солнца. За его спиной сквозь бамбуковую рощу проступал силуэт небольшого павильона.

— Ваш облик и речь выдают странников, верно? — повторил он, едва уловимой интонацией скорее утверждая, чем спрашивая. — Полагаю, вы не родом из этих мест.

Профессор Вейр слегка склонился в почтительном поклоне, сложив ладони у груди в традиционном танском жесте гуншоу.

— Вы правы, почтенный господин Ши. Мое имя Ай-Дэ, — произнес он, выбрав то имя, которое могло быть принято в этой земле. — Я родом из далекой западной страны, где хранятся книги, написанные на звездах. Я — человек, ищущий следы древнего знания.

Ши Лин кивнул, не отводя взгляда.

— Кто идет за знанием, не всегда доходит. Кто слушает — бывает найден¹. А ваша спутница?

Эвелин, стоявшая рядом, спокойно шагнула вперед. Ее речь — мягкая, с округлой интонацией столичного диалекта — вызвала на лице Ши Лина тень уважения и легкую улыбку.

— Достопочтенный господин Ши, меня зовут Юйлинь. Я занимаюсь стихами — не только как искусством, но и как дыханием того, что было сказано прежде. Я слушаю слова, которые люди давно перестали слышать.

---

¹ Парафраз в духе Лао-цзы.

— Тогда все ясно, — сказал Ши Лин. — Вы прибыли издалека. И принесли с собой не товар, не легенду — но вопрос. А значит, вам стоит задержаться.

Он налил чай в три чаши. Его аромат был легким, дымным, с оттенком хвои и цветущих трав.

— Что вас привело сюда из вашего времени?

Эвелин взглянула на Ши Лина.

— Мы ищем ответ, — просто сказала она. — Почему мир не становится счастливее, несмотря на все старания?

Ши Лин поставил чашу и поднял взгляд к вершинам сосен.

— Тогда расскажите мне о вашем мире. Каким он стал?

Эвелин начала первой:

— Мир стал сложным. Мы создали технологии, которые могут менять саму природу. Но не стали мудрее.

— А власть, — тихо сказал Вейр, — стала не ответственностью, а привилегией. Нам говорят о равенстве, о свободе, но все делается для усиления контроля.

— Мы стали чужими друг другу, — прошептала Эвелин. — И, кажется, даже себе... мы стали чужими...

Ши Лин посмотрел на них внимательно. Долго. И медленно произнес:

— Все, что вы сказали, — как отражение в треснувшем зеркале. Я вижу в нем наш мир — и ваш. Страдание, стремление к власти, страх — все это болезни духа. Но скажите мне... что в вашем веке осталось светлого?

Они не ответили. Молчание стало откровеннее любых слов.

— Тогда, — сказал он, — быть может, вы пришли не за ответами. А за напоминанием. О том, что их все еще можно искать. И найти.

Легкий порыв ветра прошел по сосновым ветвям, и несколько хвойных иголок упали между чашками. Ши Лин слегка опустил голову, будто принимая молчание собеседников как знак уважения.

— Довольно на сегодня, — мягко сказал он. — Вопросы было слишком много, и день подошел к концу. Вас, должно быть, утомила дорога... или путь, гораздо длиннее, чем кажется.

Он встал и жестом пригласил их следовать за ним.

— Позвольте предложить вам теплый ужин и ночлег. Здесь, в павильоне, всегда найдется место для тех, кто приходит не с мечом, а с вопросом. А завтра... — он остановился у поворота галереи и обернулся к ним, — завтра начнется Праздник весны. Праздник мэйхуа. Все поэты и философы соберутся у пруда Нефритовой Луны. Вы должны быть там. Возможно, вы даже услышите голос самого императора.

Эвелин и Вейр с благодарностью кивнули. Они последовали за Ши Лином под сенью деревьев, где уже сгустились сумерки, и свет от бумажных фонарей начинал дрожать в дыхании ветра.

За ужином, когда в воздухе уже стоял мягкий аромат жасминового риса и тушеных грибов, Ши Лин, отпив немного вина, с интересом посмотрел на Эвелин, а затем на Вейра.

— Простите мою наблюдательность, — сказал он, чуть прищурившись. — Но, госпожа Юйлинь, в вашей речи ясно слышна чистота столичного произношения: легкий подъем в голосе, мягкое окончание, и даже та едва заметная пауза перед завершающим словом. Так говорят лишь те, кто с юности впитал звучание Чанъаня.

Он перевел взгляд на Вейра.

— А вот у вас, уважаемый брат Ай-Дэ, фонетика другая. Более открытая, с короткими гласными и округлым zh — вы говорите, если я не ошибаюсь... на лоянском диалекте?

Профессор улыбнулся.

— Острый слух. Да, вы правы, достойный брат Ши. В университетские годы я посещал лекции одного выдающегося специалиста по древнекитайской филологии —

профессора Цзян Хуэна, родом из Лояна, из Хэнани. Он преподавал не только теорию, но и говорил исключительно на своем родном диалекте. Я не мог не впитать это звучание. Оно прочно въелось в мой слух.

Ши Лин с интересом кивнул.

— Тогда у нас сегодня за столом собралось все, что нужно для поэтического диспута: голос столицы, голос восточной земли и голос будущего. И пусть эти голоса говорят разными тонами — суть, как всегда, между строк.

Эвелин чуть улыбнулась, а Вейр, подняв чашу, добавил:

— Главное — чтобы в этом споре не исчезла тишина.

Ужин протекал в теплой, почти семейной атмосфере. На низком столике из черного цзытаня один за другим появлялись изысканные блюда: прозрачные, как крылья цикады, пельмени цзяоцзы с начинкой из речного окуня; хрустящие побеги бамбука, тушеные с кунжутным маслом; тонко нарезанная утиная грудка, завернутая в рисовые блинчики с соусом из гранатового меда. И главное украшение стола — золотистый пирог хуагао, чья слоеная текстура напоминала страницы древнего манускрипта.

Беседа лилась легко, как вино из нефритового кубка. Ши Лин, умелый рассказчик, оживлял истории о своих странствиях, а Эвелин удивляла хозяина точными цитатами из «Чжуан-цзы»¹. Даже профессор Вейр, поначалу скованный, расправил плечи, сравнив даосские парадоксы с квантовой физикой.

---

¹ «Чжуан-цзы» — даосская книга притч, написанная в конце периода Сражающихся царств, приблизительно в 300 г. до н. э., и названная по имени автора. Наряду с книгой Лао-цзы «Дао дэ цзин» она является основополагающим текстом даосизма.

Когда последние лучи солнца окрасили беседку в цвет спелой хурмы, Ши Линь медленно поднялся со своего места, его шелковый халат мягко шуршал, словно шепчась с вечерним ветерком.

– Небесные ступени уже усыпаны нефритовой пылью звезд. Позвольте проводить вас в комнату для гостей.

Он указал тростью на соседний павильон, где уже горели бумажные фонари:

– Комната для гостей готова. Вы найдете там свежие танпу (шелковые одеяния) и воду с лепестками хризантемы для омовения ног.

Сложив руки в гуншоу, он произнес прощальные слова, смешав учтивость с дружеской теплотой:

– Спокойной ночи, благородные друзья. Пусть сны принесут вам горы, покрытые цветущей сливой. До утра.

Его фигура растворилась в синеве сумерек, а гости, оставшись одни, еще долго слышали, как где-то в саду перекликаются ночные птицы.

ГЛАВА 3.

ЧАЙНАЯ ТРОПА ШИ ЛИНА

Утро пришло неслышно — сквозь занавеси, на кончиках света, через дыхание садовой влаги.

Профессор Вейр и Эвелин проснулись почти одновременно. За тонкой шелковой перегородкой доносился хруст сухих веток и глухой стук — будто кто-то раскалывал дрова на плоском камне. Они вышли на террасу.

Там, под навесом, обращенным в цветущий сад, их уже ждал Ши Лин. Он сидел у невысокого очага, аккуратно выкладывая в огонь мелкие сосновые ветки, источающие легкий смоляной аромат. Рядом глиняный чайник, украшенный узором лотоса, стоял на нагретом камне. Рядом на низком столе, застланном рисовой салфеткой, были выложены рисовые лепешки, сушеные сливы, паровые булочки (мантоу), миски с теплым рисом, подслащенным медом, и чаши с солью и кунжутом.

Ши Лин, обернувшись к путешественникам, приветствовал их:

— Утро доброго ветра, госпожа Юйлинь, почтенный брат Ай-Дэ. Время встречаться с тишиной. Посмотрите, какое чудесное утро!..

Он подбросил в огонь еще несколько веток, и чайник издал тихий звук, будто в нем вздохнула вода.

— Завтрак скромнен, — добавил он, указывая на стол, — но приготовлен с сердцем. Я обычно встаю рано, поэтому свой утренний прием пищи уже окончил.

Путешественники поблагодарили Ши Лина и принялись за завтрак. Увидев, что они уже закончили завтракать, Ши Лин сказал:

— Перед тем как вы отправитесь на праздник, я бы хотел предложить вам короткую чайную церемонию. — Вы готовы к дороге? — продолжал он, не поднимая взгляда.

— Готовы, — тихо ответил Вейр. — Но, думаю, нам нужно еще немного времени, чтобы... настроиться.

— Именно для этого и существует чайная церемония, — сказал Ши Лин. — Чтобы вернуть время.

Он поставил чайник на стол, и от его горячего дна по поверхности стола разошлось мягкое тепло.

— Чайная церемония — это Путь¹, — начал Ши Лин, расставляя перед собой изящные фарфоровые чаши. — Не напиток, не вкус, не утоление жажды. Это движение души, которое течет медленно, как вода, и очищает тишиной.

Он достал чайные листья из шелкового мешочка. Они были тонкими и скрученными, как письма на древней бумаге.

— Эти листья собраны весной на склонах гор Уишань. Их сушили на солнце, и теперь в них живет утро — каждое, что было и будет.

Он положил несколько листочков в глиняный сосуд, не спеша, с вниманием. Затем залил воду, дав ей слегка остыть, и прикрыл крышку.

---

¹ Понятие Пути — или Дао (道) — является центральной категорией даосизма. Оно охватывает не только метафизику, но и образ жизни, мировоззрение, способ существования в согласии с природой и Вселенной. Следовать Пути — значит: жить в простоте, умеренности и созвучии с природой. Слушать мир, а не заставлять его подчиняться.

— Первый настой — для очищения. Второй — для вкуса. Третий — для духа. А четвертый — для прощания.

Пар поднялся над чашами, и его движение напоминало дым древнего благовония. Все в этом ритуале происходило без спешки, как будто даже само время должно было склониться в поклоне перед покоем.

— Удивительно, — прошептала Эвелин. — Я столько читала о чайной церемонии... но никогда не понимала, насколько тишина важна.

— Потому что чай пьется сердцем, — сказал Ши Лин. — Если ты торопишься, он станет горьким. Если тревожен — он станет мутным. Только спокойствие делает его прозрачным.

Они пили в молчании. Каждый глоток был мягок, как шелест листа.

— Почтенный брат Ай-Дэ, ты хотел спросить, — обратился Ши Лин к Вейру, — почему, зная, что жизнь скоротечна, мы занимаемся такими «пустяками», как завариваем чай?

— Да... — кивнул Вейр. — В нашем мире каждое утро — борьба. Мы измеряем эффективность в секундах. Нам некогда ждать, пока закипит вода на сосновых углях.

— Но ведь именно в этом и содержится вся мудрость, — сказал Ши Лин, — если ты не можешь позволить себе ждать, пока закипит вода... значит, ты уже потерял самое главное. Способность быть.

Вейр молча следил за его движениями, изредка переводя взгляд на Эвелин. Она сидела тихо, прислушиваясь к их беседе. Несколько сосновых иголок упали на раскрытую ладонь Ши Лина, словно подавая знак к началу разговора.

— Вам не кажется, — наконец сказал Вейр, — что сосны знают о времени больше, чем мы?

Ши Лин поднял голову, слегка улыбнувшись.

— Сосна не знает времени. Потому что она в нем не участвует. Она просто стоит. Люди же бегут по течению

времени, пытаюсь его победить, — но чем быстрее они бегут, тем меньше помнят, зачем начали Путь.

— И все же, — сказал Вейр, — разве не в природе человека — стремиться? Идти вперед?

— Стремиться, да, — ответил Ши Лин. — Но не торопиться. Есть разница. Даос¹ сказал: «Мудрый не стремится достигнуть. И потому достигает». Потому что то, что ты преследуешь — убегает. А то, что ты принимаешь — раскрывается.

Эвелин склонилась к чаше с чаем, в которой отражались белоснежные облака, плывущие по небу.

— Но если ничего не добиваться... как построить что-то? Как изменить мир?

Ши Лин кивнул, будто ждал этого вопроса.

— Позвольте рассказать вам притчу, — произнес он спокойно. — Один юноша пришел к мудрецу и сказал: «Я хочу изменить мир». Мудрец посмотрел на него и ответил: «Пока ты держишь меч, мир перед тобой превращается в врага. Пока ты держишь книгу — мир перед тобой превращается в текст. Пока ты держишь зеркало — он становится отражением. Что ты хочешь увидеть?»

— И что выбрал юноша? — спросил Вейр.

— Он... начал слушать дождь. И тогда мир стал другим. Профессор на мгновение задумался.

— Значит, смысл — в отказе от формы?

— Нет, — возразил Ши Лин. — Смысл — в том, чтобы не путать форму с сутью. Смысл не в чаше, а в чае. Не в словах, а в тишине между ними.

---

¹ Даос — адепт, посвятивший себя даосизму, это может быть отшельник, учитель, настоятель храма, даосский монах (в монастырских школах), член семьи даосов.

Он провел кистью по свитку. Там возник один единственный иероглиф — «風» — ветер¹.

— Все, что может сделать ветер, — это пройти сквозь кроны деревьев, — тихо произнес Ши Лин, глядя на дрожащие в свете листья. — Он не ломает ветви, он просто проникает сквозь листья, как мысль проникает сквозь слова. Ветер не обрушивает гору. Он не спорит с ней, не стремится победить. Но он касается ее снова и снова — легким движением, почти незаметным. И через тысячу лет гора уже не та.

Ши Лин сделал паузу, как будто пытаясь услышать шепот ветра.

— Так действует не только ветер. Так действует и мысль. Она не доказывает. Не ломает. Она меняет. Постепенно. Через касание.

Он поднял чашу чая и провел пальцем по ее краю.

— Поэты прошлого называли ветер ритмом великого Пути. Он несет в себе стиль эпохи, течение времени, дух, который нельзя удержать, но можно узнать. Тот, кто открыт ему, не сопротивляется. Он становится частью его звучания.

Эвелин, смотревшая на резной свод беседки, тихо сказала:

— В нашем мире почти все измеряется. Каждый шаг, каждый звук, каждый вздох. Мы живем в цифрах.

— И в страхе, — добавил Вейр. — Потому что если ты не можешь посчитать — ты теряешь контроль.

— Контроль — это иллюзия человека, который боится плыть. Ты не управляешь ветром, но можешь поставить па-

---

¹ Иероглиф, обозначающий ветер, — это 風 (fēng) — в традиционной форме — ветер; поток воздуха. Также может означать: стиль, манера (в литературе: «поэтический стиль» — 詩風), направление, в переносном смысле — влияние, течение, дух времени.

рус. Знание — не в контроле, а в согласии. Человек будущего ищет безопасность. Но смысл — не в безопасности. А в подлинности.

Ши Лин поднял чайник и медленно разлил последнюю порцию в их чаши.

— Это чай прощания, — сказал он спокойно. — В нем нет грусти, но есть глубина. Потому что прощание — не конец, а лишь тихий поворот на новый круг пути.

Ши Лин собрал чаши, обернул их в ткань.

— Идите. Путь открыт, — вдруг произнес он. — У пруда Нефритовой Луны вы услышите голос, который поет не в стихах, а в тишине между ними. Вы встретите Ли Тайбо. Он пьет с луной и своей тенью, потому что не нашел собеседника среди людей. Но сегодня он будет говорить. С вами. Потому что вы пришли из другого берега. И, возможно, он услышит в вас отголоски будущего, которое он предчувствовал, но не мог назвать.

— Достопочтенный господин Ши, а вы придете на праздник? — спросила Эвелин.

— Мудрец не приходит туда, где будет пир. Но его тень — может пройти мимо. Посмотрите на нее — может быть, она заговорит.

Затем добавил:

— Конечно, я приду, но немного попозже. Когда начнут читать стихи и слушать музыку у пруда Нефритовой Луны. А сейчас я укажу вам дорогу к павильону Орхидей.

Они последовали за ним по тенистой тропе, пролежавшей вдоль ручья, по обе стороны которого, склонившись своими ветвями к воде, росли ивы. Ши Лин вдруг замедлил шаг. Он обернулся, жестом предложив остановиться. Перед ними раскрывался вид на долину, утопающую в легкой дымке: вдали виднелась изогнутая крыша павильона, скрытая в орхидейной роще.

— Вон там, — негромко произнес он, указывая в сторону холма, — за излучиной ручья и тенью каменной арки находится павильон Орхидей. А за павильоном Орхидей находится пруд Нефритовой Луны, музыканты и поэты собираются там после официальных речей и празднеств. Когда речи смолкнут и гости разойдутся, приходите к пруду Нефритовой Луны — там, в тени орхидейных кущ, я буду ждать вас с чашей вина и новыми строфами.

— Музыканты уже готовят струны цини¹, — тихо добавил Ши Лин, словно напев. — А мы... мы будем любоваться отражением луны в воде и слушать, как шепчутся между собой тени деревьев на поверхности пруда.

— И как мы узнаем, что пришли к пруду вовремя? — спросила Эвелин.

Ши Лин улыбнулся едва заметно.

— Даже если вы пришли вовремя — вы не увидите этого по часам. Вы почувствуете: тишина в этом месте станет живой. Лист шевельнется не от ветра, а от мысли. Кто-то заговорит — и вы поймете, что слушали его всю жизнь.

— Значит, мы будем слушать и тени? — удивленно спросил Вейр.

— Тень — это то, что остается от света, если ты не заставляешь его собой, — сказал Ши Лин. Он вновь поднял взгляд на небо. Лучи солнца прорывались сквозь ветви сосен, оставляя тонкие полосы света на земле.

— Мир — не вопрос. Он — ответ. Только не тот, которого ты ждал.

Он взглянул на Вейра и продолжил:

— Вы услышите стихи, музыку, беседы, звуки флейт и шелест рукавов. Но все это — только форма. Суть же — между строк. Слушайте не ушами, а сердцем. И, быть мо-

---

¹ Цитра цинь — общее название ряда струнных щипковых музыкальных инструментов, распространенных в Китае.

жет, тогда вы поймете, зачем вы здесь. Я буду ждать вас у себя дома после окончания праздника. Разговор наш еще не окончен — пусть следующая встреча станет его продолжением.

ГЛАВА 4. СРЕДИ ЦВЕТУЩИХ СЛИВ

Чайная церемония осталась позади, как утренний сон. Вейр и Эвелин шли вдоль ручья по тропе, которую указал им Ли Шин. Над головами звенели цикады, в траве блестели капли росы, а между стволов сосен мелькали первые отблески города.

— Мы идем туда, где царствует искусство, — тихо сказал Вейр, придерживая полы своего халата. — Но я чувствую, будто вступаю в храм.

— Возможно, это и есть храм, — отозвалась Эвелин. — Храм, где слово — священнодействие.

Тропа вывела их к узкой дороге, по обеим сторонам которой расстились поля с молодыми чайными кустами и цветущими сливами. Их лепестки — белоснежные, розоватые, почти прозрачные — сыпались с деревьев, ложась на землю, как благословение. Порой, когда налетал порыв ветра, лепестки поднимались вихрем и кружились в воздухе, словно воспоминания о тех, кто когда-то здесь проходил.

— Удивительно... — прошептала Эвелин. — Они цветут не по времени.

— Время здесь течет иначе, — ответил Вейр. — Или, может быть, именно здесь — оно и есть настоящее.

По мере того как они приближались к городу, дорога становилась шире. На ней появились повозки, странствующие монахи с четками, дети в цветных жилетах, торговцы с коромыслами. Один седой старик с лицом, как древний свиток, остановился и взглянул на Вейра.

— Ты не из наших мест, да? — спросил он, поклонившись. — Но в глазах твоих — знание гор.

— Я издалека, — кивнул Вейр. — Очень издалека.

Старик улыбнулся:

— Тогда Чанъань примет тебя, как ветер принимает птицу.

Он пошел дальше, не обернувшись, оставив после себя запах сушеных трав.

Впереди, в легкой дымке, среди волн цветущих деревьев, уже угадывался силуэт павильона Орхидей — изящного строения с резной кровлей, притаившегося на окраине большого императорского сада. Но, прежде чем свернуть к нему, Вейр остановился.

— Мы могли бы обойти город, — сказал он, всматриваясь вдаль, — но, быть может, стоит хотя бы на мгновение пройти сквозь него. Увидеть, как он живет. Почувствовать его пульс.

Эвелин кивнула. В ее взгляде не было спешки.

— Я хочу услышать, как звучит речь на улицах, — тихо произнесла она. — И увидеть, как текут обычные дни в сердце Тан.

Они свернули на восточную тропу, спускающуюся к торговым кварталам. Город раскрылся постепенно — сначала колокольным звоном в храме, потом запахами с базарных улиц и наконец многоголосьем людей, у которых каждый жест казался выверенным, как строка в каллиграфии.

Чанъань раскинулся как огромный живой свиток, написанный по канонам Дао¹. Улицы — прямые и величавые, дома — резные, белокаменные, крыши — словно волны под лунным светом. Над крышами поднимались пагоды, а между кварталами струились каналы, по которым скользили узкие лодки. Сверху доносились удары гонга и звон колокольчиков.

— Это похоже на сон, — сказала Эвелин, замирая. — Я читала, как выглядела столица Тан... но видеть ее — совсем другое.

— Здесь, — отозвался Вейр, — все еще верят, что порядок мира начинается с красоты.

Они вошли в город через западные ворота. Город жил в преддверии праздника. По обеим сторонам улицы висели бумажные фонари: с изображениями журавлей, черепашек, цветов лотоса, морских волн. Люди спешили, но без суеты — будто время здесь знало меру каждому шагу. Молодые ученики каллиграфов несли свитки, на которых были начертаны стихи. Музыканты прямо на улице настраивали гучжэны². Женщины в пестрых платьях держали в руках корзины с фруктами — в том числе круглые, как луна, персики и айву.

На перекрестке у колодца стоял высокий мужчина в одежде, окрашенной в красную охру, с длинным бамбуковым шестом. Он обратил на путников внимательный взгляд.

---

¹ Слово «дао» в переводе с китайского означает «путь» или «дорога». Однако в контексте философии оно имеет гораздо более глубокий и абстрактный смысл. В даосизме, основанном на учениях Лао-цзы и других мудрецов, Дао считается первоисточником и основой всего существующего. Оно представляет собой универсальный принцип, который лежит в основе всего мироздания, но при этом остается неопределимым и неосязаемым.

² Гучжэн — традиционный китайский инструмент. Принадлежит к семейству цитры.

– Вы идете в сад? – спросил он.
– Да. На праздник у павильона Орхидей.
– Тогда держитесь к юго-востоку. Сегодня весь город – как музыкальный инструмент. Те, кто умеет слушать, найдут нужную мелодию.

Он кивнул и исчез в переулке.

Вейр остановился у старого книжного лотка, где на деревянных дощечках были выставлены свитки с поэзией. Один из них он медленно развернул: строки Ли Бо, написанные красноватой тушью, будто свежим дыханием.

Эвелин ловила на слух интонации: за прилавками, в чайных лавках, у городских стен. Улыбки, жесты, фразы – все это казалось ей не просто речью, а живым языком времени, который не угас, а дышал в каждом движении.

На одном из перекрестков сидел мальчик на плоском камне и играл на флейте. Мелодия была проста – несколько повторяющихся нот, без украшений, без усилия. Но в ее чистоте звучало что-то, что отзывалось в самом сердце.

Каждый прохожий, услышав эти звуки, будто невольно замедлял шаг. Кто-то оборачивался, кто-то улыбался в сторону музыки – а кто-то просто шел дальше, не меняя выражения лица. Казалось, сама улица на миг становилась тише, пропуская эту мелодию сквозь себя, как ручей – свет луны.

Чуть дальше мужчина в остроконечной шляпе рисовал тушью на ткани, рисовал без карандаша – сразу кистью, четко, без колебаний. Он не поднимал взгляда на прохожих, лишь продолжал рисовать, словно кисть сама знала, куда вести. А потом вдруг произнес:

– Мы не создаем красоту. Мы лишь даем ей место проявиться. Как лотос поднимается из ила. Как Путь проступает из забвения.

Сад императорского дворца начал проступать сквозь городской шум, как образ сквозь утренний туман. Вокруг

были установлены шелковые ширмы с изображениями гор, волн и сосен. Стража в зеленых мантиях, украшенных золотом, безмолвно наблюдала за входящими. За ними начинался иной мир — мир, где время сгущалось в мгновение, где красота была законом, а слово — действием.

Эвелин прижала ладони к груди. Ее дыхание стало тише, почти прозрачным, как будто и оно подчинялось ритму окружающего мира.

— Я чувствую... — прошептала она, не отрывая взгляда от плывущих в пруду лепестков, — как будто сама становлюсь частью этого мира. Все во мне замирает... но не угасает. Напротив — как будто просыпается что-то, что всегда было.

Вейр остановился рядом. Он посмотрел на нее — и в ее лице, озаренном мягким светом, вдруг увидел ту самую гармонию, о которой писал Ван Вэй: тишину, в которой рождается река.

— Вы слышите дыхание эпохи, — произнес он тихо. — Мы в самом ее центре. Здесь не нужно доказывать свое присутствие. Достаточно — быть.

Они стояли на границе сада, где шум улиц уже растворялся в шелесте ветвей и журчании воды. Ветер донес запах весны и еле уловимый перезвон колокольчиков в глубине павильона. В этот момент время действительно казалось неподвижным — не потому, что остановилось, а потому что приняло их в свое течение, не требуя ни шагов, ни слов.

Они подошли к широким воротам, за которыми раскинулся Императорский сад. В это время года он был сплошным цветением. Деревья стояли в легкой тени облаков, дорожки были посыпаны лепестками, а воздух звучал как музыка без нот.

В глубине сада, у излучины пруда, стоял павильон Орхидей — изящный, словно построенный из дыхания и дерева. Его стены отражались в воде, где уже дрожало серебро будущей луны.

– Нам будет о чем продолжить нашу беседу, – тихо сказал Вейр, глядя на террасу павильона.

– И будет кому ее услышать, – ответила Эвелин.

Они пересекли сад, не торопясь, словно боясь потревожить невидимую симфонию, что звучала между лепестками, тенями и ожиданием. Позади оставались улицы, смех, разговоры, цветы. Впереди – павильон Орхидей, окруженный прудами и деревьями, чья тень хранила ожидание будущих встреч и голос того, кто умеет говорить с луной.

ГЛАВА 5. СЛОВО, ПЛЫВУЩЕЕ К ЛУНЕ

Сад открылся перед ними, как медленно раскрывающийся свиток. Каждый шаг вглубь был шагом в другой ритм — мягкий, уравновешенный, отрешенный от суеты. Здесь царило дыхание искусства: оно было в каждом изгибе дорожки, в изгороди из бамбука, в аромате чайных цветов, в тихом звоне струн, долетающем издалека.

Павильон Орхидей возвышался над водной гладью, словно корабль, привязанный канатами к пристани времени. Его деревянные стены украшали резные панели с изображениями журавлей и сосен, а крыша изгибалась, будто в танце. На фоне заходящего солнца он казался живым существом, застенчивым и гордым одновременно.

Вейр и Эвелин остановились у края моста, ведущего к большой каменной террасе. На поверхности воды дрожали отражения фонарей, подвешенных к роговым балкам — красных, оранжевых, лазурных, как лепестки странных цветов.

— Это не просто место, — прошептала Эвелин. — Это... дыхание эпохи. Я чувствую его всей своей душой. Оно проходит сквозь меня, как ветер сквозь листву.

— И мы внутри него, — тихо сказал Вейр. — Будто почувствовали суть стиха... еще до того, как он был произнесен.

По обе стороны моста стояли поэты. Кто-то читал строки под нос, кто-то вел неспешные разговоры, держа чашу с вином, кто-то рисовал тушью иероглифы прямо на воде — они растекались, исчезали, но оставляли за собой всплеск света.

Музыкант в одежде из тончайшего шелка перебирал струны гучжэна. Его руки скользили по ним, как ветер по траве. Звук был почти невесомым, но обволакивал все пространство. В глубине павильона группа девушек исполняла танец — их движения напоминали движение воды в сосуде: круговые, мягкие, без начала и конца.

Один седобородый каллиграф читал строки вслух, выводя их прямо на длинном свитке:

*Луна плывет над водой —
не зная, что отражена.
А человек, смотрящий на нее,
думает: это он — в ней.*

Толпа начала перешептываться. Чьи-то лица озарились ожиданием, кто-то встал, кто-то прижал к груди свиток. С той стороны павильона, где тропинка вела от водоема, появился мужчина средних лет, высокий и легкий, как облако. На нем был длинный халат (рао) из тонкого светлоголубого шелка, с широкими свободными рукавами. Ткань лежала легко, не стесняла движений. Пояс был широкий, с простой пряжкой. На голове — черная шелковая шапочка, слегка сдвинутая набок. На ногах — легкие кожаные туфли с загнутыми вверх носками, удобные для ходьбы и длительных прогулок. Он шел спокойно, с ровной осанкой. Волосы небрежно собраны, а за поясом — кувшин с вином, свисающий на ремешке. В его походке не было

ни тени заботы, но была уверенность, не требующая подтверждений.

— Это он, — прошептала Эвелин. — Ли Тай-бо¹.

Вейр молча кивнул. Он сразу узнал его широкий халат из светлого шелка, свободный пояс, к которому был прицеплен небольшой кувшин — все это Вейр однажды видел на старинном свитке, хранившемся в Музее восточных культур в Лейдене. Там, в зале Танской живописи под стеклом висело изображение поэта в тот же момент — в движении, на границе между тенью и светом, с кувшином вина у пояса и легкой небрежностью в осанке.

Ли Бо поднялся на помост и оглядел собравшихся. Его губы тронула легкая усмешка — почти детская.

— Я пришел, потому что луна велела. Она сказала: «Ветер принесет тех, кто меня еще не слышал».

Он замолчал, собираясь с мыслями. Затем медленно вынул свиток из-за пояса, развернул и, не глядя, начал читать:

Тысячи чаш — и ни одного спутника.

Лишь луна и тень — мои гости.

Я пою — и луна дрожит.

Я танцую — и тень повторяет.

Мы трое — на время друзья,

до тех пор, пока не прольется

свет на Реку Вечности².

Он опустил свиток, и наступила тишина.

---

¹ Ли Бо (李白), также встречается написание Ли Бай — один из величайших поэтов Китая, представитель золотого века танской поэзии.

Он известен под псевдонимом (号, hào) Цинлянь цзюйши (青莲居士, «Отшельник Зеленого Лотоса»). Иногда его называют Ли Тай-бо (李太白), так как Тайбо — это его цзы (字, взрослое имя).

— А теперь, — сказал он, — я хотел бы поговорить...
С теми, кто пришел оттуда, где меня еще нет.

Он смотрел прямо на Вейра и Эвелин.

— Да, с вами, благородные странники. Мой давнишний друг Ши Лин рассказал о вас. Вы пришли не за вином и не за рифмой. Вы пришли за ответом, который не может быть сказан.

Толпа расступилась, и их двоих будто вынесло вперед, к краю помоста. Вейр чувствовал, как сердце бьется в ритме, которого не существует в его веке. Эвелин молчала, но в ее глазах было сияние лунного света.

Ли Бо устроился за столом у самой кромки террасы и мягким жестом пригласил их сесть рядом.

— Господин Ай-Дэ, муж великих знаний, госпожа Юй-линь, чей дух ясен, как осенняя луна! Что за ветер принес вас в мои скитания?

Он налил вино в чаши Вейру, своей тени и себе. Затем молча поставил кувшин с вином перед профессором, давая понять, что тот должен налить вино в чашу Эвелин. Эвелин кивнула Вейру в знак согласия, понимая, что так соблюдаются приличия и дух веселья не теряется.

— Ай-Дэ цзюнь! Ты — мудрость без тени опьянения, а я — поэт, пьянеющий от одной капли лунного света. Неужели откажешься разделить со мной этот кубок? Или в твоих жилах течет не вино, а звездный свет?

— О, Цинлянь цзюйши³! — произнес Вейр, почтительно склонив голову. — Я пил вино из плодов, что еще не ро-

---

² В литературном и философском смысле: Река Вечности — это образ потока времени, не знающего начала и конца. Она символизирует непрерывное течение бытия, в котором исчезают и рождаются судьбы, растворяются имена и возвращаются смыслы.

³ Цинлянь цзюйши — это литературный псевдоним Ли Бо, означающий «Отшельник Зеленого Лотоса».

дились, и видел луны, которые не взойдут многие сотни лет. Но ничто не сравнится с этим кубком, ведь в нем — вечность, которую ты наполнил своими великими стихами! И я сделаю глоток этого вина во славу твоих бессмертных творений!

Ли Бо замер на мгновение, его брови взлетели вверх, а глаза расширились — будто перед ним явился не человек, а дух из древних даосских преданий. Затем его лицо озарилось восторженной ухмылкой, и он громко расхохотался, хлопнув себя по колену:

— Ха-ха-ха! Так ты, выходит, не просто ученый муж, а странник из времен, где реки текут вспять? Ну что ж, тогда этот кубок — наш мост между эпохами!

Он театрально поднял свою чашу и продолжил, уже с притворной серьезностью, подмигивая:

— Ты говоришь, будто видел луны грядущего... Но скажи-ка, в том далеком времени хотя бы вино осталось настоящим? Или его тоже делают из чисел и звездного света?

Тут он резко наклонился вперед, сверкнув глазами, и прошептал с интригующим любопытством:

— А стихи мои там еще читают? Или механические птицы распевают их на крышах хрустальных пагод?

Не дожидаясь ответа, Ли Бо откинулся назад, махнул рукой и провозгласил:

— Ах, неважно! Если в будущем нет места пьяным безумствам под луной — то я рад, что живу здесь и сейчас!

И с этими словами он опрокинул кубок одним глотком, а затем снова налил в него вино из кувшина и обратился к Вейру:

— Ну что, путник из грядущего, осмелишься выпить с безумным поэтом? Или твои «реки, что еще не родились» учат лишь трезвости? Пей. И скажи — из какого мира ты пришел.

Вейр еще раз почтительно поклонился поэту и осушил свою чашу до дна.

— Из того, — произнес Вейр, — где о тебе, почтенный Тайбо, пишут книги и называют бессмертным гением поэзии. Где поэты учатся у Цинлянь цзюйши говорить с луной.

Ли Бо удивленно взглянул на Вейра. Потом рассмеялся — звонко, свободно, как ручей в горах.

— Значит, я прожил свою жизнь не напрасно?

— Нет, не напрасно, — вступила в беседу Эвелин. — Ваши творения — как свет. Его трудно удержать, но он меняет все, чего касается. Мы знаем вас. В нашем времени вы — один из величайших поэтов. Вас считают бессмертным. Ваши слова переведены на сотни языков. Ваши строки — в музеях, в книгах, в сердцах.

Поэт молчал. Луна отражалась в чаше с вином. Он поднял взгляд на нее, и в его глазах промелькнуло что-то очень тихое, почти детское.

— Я... бессмертный? — медленно произнес он. — В будущем?

— Да, — ответил Вейр. — Вас читают студенты, ученые, влюбленные. Ваши стихи — мост между временами.

— Но если я бессмертен, — сказал он задумчиво, — почему мне все еще бывает так одиноко?

Он взглянул на Эвелин:

— Скажи, почтенная госпожа Юйлинь, в вашем времени... есть ли место таким, как я?

— Есть, — сказала она. — Но век наш — век скоростей, шума, точных расчетов. Люди забыли, как смотреть на луну. Или не успевают. Но именно поэтому, когда кто-то читает ваши строки, это как глоток чистого воздуха. Люди ищут в поэзии то, чего недостает вокруг — тишины, глубины, правды.

— Значит, вы пришли из мира, где все быстрее, но душа все еще помнит о слове? — тихо сказал он. — Тогда, может быть, вы — доказательство, что поэзия сильнее времени.

Он посмотрел на Вейра:

— Скажи, философ, есть ли разница между нашими эпохами, если люди везде ищут смысл?

— Разница в том, как ищут, — ответил Вейр. — В вашем веке истина — как отражение в воде: ее видят и боятся коснуться, чтобы не расплескать. В нашем веке истину ищут с приборами, измерениями, обозначают формулами. Но чем дальше идут, тем чаще обнаруживают, что истина — все то же отражение.

— Значит, мы оба живем в мирах, где мудрость — это искусство сохранять ясность взгляда, даже когда все вокруг становится туманом, — произнес Ли Бо.

Он снова поднял чашу:

— Я не знаю, почему мне выпала честь быть услышанным через века. Я не знаю, кто послал вас сюда. Но если мои слова живут, значит, что-то во мне оказалось сильнее времени...

Сумерки окончательно уступили место ночи. Музыка вновь зазвучала. На террасу вышли танцовщицы, одетые в одежды цвета лунного света. Они кружились, медленно и величаво, как облака. Сверху капала роса, будто сама луна плакала от красоты момента.

Ли Бо наклонился вперед и сказал:

— Когда вы вернетесь, скажите им: поэт жил. Он пил с луной и танцевал с тенью. Он не знал ответов, но задавал вопросы. А иногда — просто смотрел на небо. Этого достаточно?

— Больше чем достаточно, — ответил Вейр.

— Тогда пусть мы встретимся снова, — тихо сказал Ли Бо, — там, где сходятся все реки времени — на берегу Небесной Реки¹.

И в тот миг показалось, что и сам он был уже тенью,

---

¹ Поэтическое обозначение Млечного Пути. Небесная река считалась божественной границей, разделяющей миры или судьбы. Часто упоми-

растворяющейся в сиянии фонарей, в аромате цветов,
в музыке флейты, в вечной чаше под луной.

нается в поэзии, мифах и философских трактатах как символ вечности,
расстояния, разлуки и стремления.

ГЛАВА 6. В ПАВИЛЬОНЕ ОРХИДЕЙ

Когда над садом опустилась вечерняя синева, а отражения цветов начали дрожать в прудах, Ли Бо медленно поднялся с деревянной скамьи и, оглянувшись на Вейра и Эвелин, с доброй улыбкой жестом пригласил их внутрь павильона:

– Наступила ночь. Это час, когда образы становятся точнее, чем слова. Пойдемте – покажу вам, как рисуют тишину.

Они уже собирались войти, когда с дальнего поворота сада появился знакомый силуэт – легкая походка, складки одежды, тонкая шелковая повязка на голове. Это был Ши Лин.

– А вот и Ши-гун, – сказал Ли Бо, с улыбкой раскрыв объятия. – Ты приходишь, когда сад уже поет стихами. И, как всегда, вовремя. Рад встрече под этими ветвями.

– Наконец я нашел вас, – сказал Ши Лин с улыбкой. – Сад так велик, а ночь так быстро сгущается... Я не хотел пропустить эту встречу.

– Ты пришел вовремя, – ответил Ли Бо. – Сейчас – тот час, когда краски и смыслы сходятся в одно.

Они вошли в павильон вместе. Внутри было прохладно и спокойно. В мягком свете масляных ламп, отбрасываю-

щих золотистые отблески на стены, на шелковых свитках оживали пейзажи: туманные горы, написанные Ван Вэем, в которых растворялись очертания троп и деревьев; свитки с фигурами буддийских святых, вышедшие из-под кисти У Даоцзы; и кони Хань Ганя — стремительные, полные движения, будто они вырвались из границ изображения и неслись навстречу ветру.¹

Они остановились у одной из работ Ван Вэя — туман над горным перевалом, где еле угадывались контуры путника с посохом.

— Это не просто пейзаж, — сказал Ли Бо. — Это стих, написанный кистью. В поэзии ты ждешь строку, в живописи — пространство между мазками. А в музыке... ты ждешь тишину, в которую входит звук.

Эвелин, рассматривая один из свитков, воскликнула:

— Удивительно... Ваши художники пишут не красками, а дыханием мира. Видите, как мазки туши у Ван Вэя словно тают? Это же почти музыка!

Ли Бо рассмеялся, поправляя широкий рукав своего халата:

— А разве поэзия, живопись и музыка — не одно целое? Ветер в соснах — это мелодия, горный поток — ритм, а лунный свет... о, лунный свет — это тишина между нотами.

---

¹ Ван Вэй (699– 759) — китайский поэт, живописец, каллиграф, музыкант. Наряду с Ли Бо и Ду Фу является представителем китайской поэзии эпохи Тан.

У Даоцзы (ок. 680 — после 758 гг.) — считается одним из величайших художников эпохи Тан. Использовал черную тушь без цвета, но линии были настолько выразительными, что цвет казался лишним.

Хань Гань — выдающийся китайский художник эпохи Тан, прославившийся своими изображениями лошадей. Он считается одним из основоположников анималистического жанра в китайской живописи.

Эвелин чуть улыбнулась. Она расстегнула поясную сумку и, нащупав что-то внутри, вдруг замерла.

— Вот это — настоящее чудо, — сказала она, вытаскивая небольшой аудиоплеер со встроенными динамиками. — Я совершенно забыла, что положила его туда перед отъездом.

— Это инструмент? — удивленно спросил Ли Бо, глядя на гладкий прямоугольник в ее руке.

— Это... способ сохранить музыку, — ответила Эвелин. — Почтенный Тайбо, хотите услышать, как звучит народная музыка моего времени?

Она включила запись. Первой прозвучала современная китайская народная песня — голоса, похожие на ветер в тростнике, и отдаленные звуки струнного инструмента, похожего на гуцинь.

*На бегущем коне по склону горы
Плывет облако,
Луна освещает город Кандин,
Любовь расцветает под ее светом...*

Ли Бо слушал, не мигая.

— Это странно и знакомо, — произнес он. — Как будто дух гор все еще жив, но говорит другим языком.

Затем Эвелин прокрутила список — и включила «Лунный свет» Клода Дебюсси.

Когда первые аккорды коснулись тишины павильона, Ли Бо не сразу понял, что это — музыка. Он замер, прислушиваясь к тому, что исходило из этого странного для него предмета. Потом его глаза расширились. Он выпрямился, медленно встал и сделал несколько шагов по залу, будто ошупывая невидимую структуру звучащей мелодии.

Когда мелодия достигла середины, он закрыл глаза. Его губы шевелились — то ли в молитве, то ли в безмолвном стихе. Наконец наступила тишина. Он еще долго молчал,

словно дослушивал что-то внутри себя. Затем заговорил задумчивым голосом:

— Это... это не просто музыка. Это — внутренний свет воды. Так звучала бы луна, если бы умела говорить. Каждая нота — как отражение, не касающееся поверхности. Это не песня и не танец. Это — воспоминание о чем-то, что еще не случилось.

Он поднял взгляд на Вейра и Эвелин:

— Я думал, что слышал все, что можно услышать. Но эта мелодия — не из мира звуков. Она из мира божественного проявления. Она замирает в ожидании, как поэт притихает, прежде чем произнести свое последнее слово.

Эвелин молча протянула ему плеер. Он взял его обеими руками, как чашу с вином. Пальцы его слегка дрогнули, коснувшись гладкого металла.

— Если бы эти звуки достигли меня в одиночестве... на горной тропе... — голос его стал тише, будто прислушивался к эху внутри себя. — Я решил бы, что это голос самого Дао. Или... голос женщины, которая ушла и не вернулась, но осталась в отражении воды.

Порыв ветра из окна шевельнул занавеси, залитые лунным светом, и их тени скользнули по полу павильона.

Резким движением, будто опасаясь, что вдохновение ускользнет, Ли Бо схватил кисть. Чернила брызнули на шелк, иероглифы ложились стремительно, как капли дождя:

*Серебряные капли падают в бездну,
Лунный свет — не свет, а сон.
Кто этот демон, что связал
Звуки с вечностью?*

Последнюю черту он вывел с таким нажимом, что бумага едва не порвалась.

Эвелин улыбнулась:

— В следующий раз будет звучать музыка Рахманинова. Уверена, она напомнит бурю в горах Хуаншань.

Ли Бо откинулся назад, заливаясь смехом:

— Если в династии Тан будут рождаться такие же безумцы, то ей суждено продлиться еще тысячу лет!

Павильон наполнился шумом обсуждений, а за окном луна, будто подхватив настроение Дебюсси, заиграла бликами на поверхности пруда. Когда последние слова стихли, Ли Бо направился к выходу. Ветер чуть приподнял край его халата.

— Пойдемте, — сказал он, — ночь не заканчивается в стенах. Есть еще воздух, звезды и время для беседы...

Ли Бо и Ши Лин вместе с гостями вышли на террасу. Снаружи было прохладнее. Луна поднялась выше, отражаясь в гладкой поверхности пруда. Ветви деревьев отбрасывали сложные переплетающиеся тени на бамбуковый настил. Все вокруг казалось одновременно безмолвным и внимательным.

Они расположились вокруг низкого стола на террасе, продолжая беседу. Стол был щедро заставлен угощениями и напитками. Все — в духе праздника цветения слив, где вкус, аромат и красота были неотделимы.

Ли Бо говорил о тишине, как о четвертом искусстве, рядом с поэзией, живописью и музыкой. Ши Лин делился историями из трактатов, где тень дерева в разное время дня трактовалась как мерило присутствия духа.

— Слова приходят не к тем, кто их ищет, — проговорил Ли Бо, — а к тем, кто умеет вовремя замолчать. Поэт — это тот, кто знает, что тишина и есть начало песни.

— Тогда, — произнес Вейр, — может ли быть поэтом историк?

— Только если он не требует, чтобы история была правдой. Потому что правда — это вода. Каждый смотрит в нее и видит себя.

— Но ведь история — не зеркало, — возразила Эвелин. — Она — дорога.

— А дорога отражается в лужах, — с улыбкой ответил Ли Бо.

Они засмеялись — тихо, искренне, как смеются те, кто на миг оказались по одну сторону времени.

К ним подошел один человек. Он появился почти незаметно, словно вышел из самой ночи. На нем была черная мантия, расшитая тонкими лоскутами ткани чернильного оттенка. При каждом движении они переливались — то в синеву, то в темно-серый. Его глаза были узкими и внимательными, с тем выражением, которое бывает у человека, привыкшего наблюдать молча и сосредоточенно.

Возраст его определить было трудно. Он был явно в годах, но держался прямо и уверенно. Его голос звучал спокойно, с гибкостью и внутренней силой, как у человека, чьи мысли давно обрели ясность.

Он слегка склонился вперед, не выказывая ни робости, ни высокомерия.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказал он, — меня зовут Ду Цзун. Я пишу трактаты. В основном о времени... и о тени власти, которая, как вы знаете, всегда больше, чем кажется.

Он перевел взгляд с одного на другого, задержавшись на Эвелин.

— А вы, путники, говорили о зеркалах. Позвольте задать вопрос?

Ли Бо чуть улыбнулся, кивнув:

— Вопрос — это уже начало зеркала. Присаживайтесь с нами, почтенный господин Ду, — сказал Ли Бо, сделав жест к свободному месту у стола. — Беседа только начинается, а ночь щедра на мысли.

Вейр повернулся к Ду Цзуну:

— Мы слушаем вас, почтенный господин Ду Цзун.

— Скажите: если вы пришли из будущего... значит ли это, что судьба уже написана?

На миг все стихли.

— Нет, — сказал Вейр. — Будущее не написано. Оно предчувствуется, предсказывается, строится... но всегда остается изменчивым.

— Тогда зачем вы пришли сюда? — спросил Ду Цзун.

— Чтобы задать вопрос, — ответила Эвелин. — Который не может быть задан в нашем времени.

— И что же это за вопрос?

Ли Бо посмотрел на нее, как будто уже знал, что она скажет.

— Может ли поэзия изменить мир?

— Нет, — ответил Ду Цзун. — Только мечи и указы.

— Да, — возразил ему Ши Лин. — Но только в душе.

Ли Бо посмотрел на Вейра.

— А ты что скажешь, человек из будущего?

— Я скажу, — медленно произнес профессор, — что в нашем мире поэзия почти исчезла. Она есть, но как отзвук. Мы изменили мир силой. Технологиями. Системами. Мы преодолели болезни, измерили звезды, переписали генетический код. Но мы не стали счастливее. И мы не научились говорить с тенью.

За столом повисла тишина.

— Значит, — сказал Ли Бо, — вы пришли сюда не за знанием, а за забвением. Чтобы снова стать полными.

Музыка сменилась. Теперь это была медленная, меланхоличная мелодия — звучание пипы¹, одинокое и в то же время широкое, как степь под луной.

И вдруг на помосте у подножия террасы императорского сада появился человек, облаченный в темно-золоти-

---

¹ Пипа — четырехструнная щипковая лютя с грушевидным деревянным корпусом. Существовала в Китае с III–IV веков и к эпохе Тан (в том числе 742 год) уже была классическим инструментом придворной и поэтической музыки.

стый халат с узором из облаков и журавлей. Его лицо было скрыто тонкой вуалью. Но как только он появился, весь павильон затих.

Все встали. Даже Ли Бо опустил голову в знак уважения.

— Император, — прошептали одни.

— Его Тень, — сказали другие.

Он не говорил. Он просто сел на возвышение и кивнул, как будто разрешая продолжить.

Ли Бо сделал шаг вперед и опустил голову в поклоне, как того требовал дворцовый этикет. Лишь после этого он заговорил — спокойно, с легкой улыбкой в голосе.

— Смиранный слуга приветствует Сына Неба! И приносит слова, не достойные золота трона, но чистые, как вода из горного ручья.

Император выслушал первые слова Ли Бо молча. Его лицо оставалось неподвижным, как и подобает Сыну Неба, но в глубине взгляда промелькнуло едва заметное смягчение. Легкий кивок головы стал знаком позволения продолжить.

Ли Бо выпрямился, сложил руки в приветственном жесте и торжественно произнес:

— Да будет долог век Вашего Величества. Да будут Ваши дни ясны, как осеннее небо над Чанъанем, и деяния Ваши — как корни сосен: прочны и живут дольше времени. Да сияет слава Императорского рода, как звезды Небесной Реки.

Он сделал шаг в сторону, указывая на Вейра и Эвелин.

— И позвольте представить Вашему Величеству странников, что пришли издалека — не ради золота, не по повелению чужой державы, а по зову сердца. Они принесли с собой не дары, а почтение. И от всего сердца желают Вам, Государь, долголетия, могущества и славы, что не меркнет в веках.

Император не спешил отвечать. Он посмотрел на путников внимательно, с тем молчаливым вниманием, в котором уже заключался ответ. Потом чуть склонил голову — жест едва заметный, но достаточно ясный, чтобы быть знаком признания, и начал говорить.

Он говорил негромко, но его голос был глубок и спокоен — как вода в пруду на заре.

— Поэт, чье перо подобно мечу, — ты вновь среди нас. Ты идешь в ногу с луной и говоришь с соснами. Государь слышит твой голос.

Он перевел взгляд на стоящих рядом гостей.

— Друзья, идущие рядом с человеком, в чьих строках отражается Небо, достойны быть выслушанными. Сад открыт. Слова — как вино: пусть текут свободно.

Ли Бо, не поднимая головы, ответил:

— Ваш слуга — лишь струя в реке Писания¹, и если хоть одна капля радуется слух Повелителя, я счастлив до конца дней.

Император чуть кивнул и снова сделал жест рукой, позволяя им продолжать праздник. Собеседники вернулись за свой стол, и Ли Бо произнес свой очередной тост:

— Сегодня, — сказал Ли Бо, — мы не ищем ответа. Мы ищем вопрос, который выдержит тысячу лет.

И поднял чашу.

— За тех, кто умеет слушать. И слышать. Даже сквозь века.

---

¹ Река символизирует поток смысла, непрерывное течение мудрости или божественного откровения. Под «Писанием» подразумеваются священные книги: Библия, Коран, буддийские сутры, даосские каноны и др. «В реке Писания» — значит внутри живого, текущего пространства священного слова, где истина не статична, а раскрывается постепенно, как течение воды.

ГЛАВА 7. ДИАЛОГ С ПОЭТОМ

Полная луна, тихая и неподвижная, сияла высоко в ночном небе, заливая серебристым светом гладь воды, где все еще дрожали отблески фонарей и их отражения в воде пруда.

Праздник еще не завершился, но голоса стали тише. Шум веселья отдалился, как будто растаял в ночном воздухе, уступая место неспешным разговорам и задумчивым взглядам.

Почти все гости покинули террасу. Музыка теперь доносилась из глубины сада, где танцовщицы продолжали свой медленный круг под сводами деревьев. А в павильоне и на террасе, под светом фонарей и в аромате цветущих ветвей, остались те, кого привлекали поэзия и размышления, а не суета праздника.

Ли Бо, как и прежде, сидел за столом вместе со своими собеседниками. Теперь он был спокоен, немного задумчив, словно уловил в себе какую-то мелодию, которую пока не мог разложить на строки. Он поманил Вейра и Эвелин ближе, и они сели рядом, уже без смущения — как старые собеседники, которым не нужно искать форму разговора.

— Вы видите меня из будущего, — сказал Ли Бо, не глядя на них, — и, наверное, думаете, что я был велик. Что я стал кем-то. А я просто устал. Устал быть один.

Эвелин осторожно ответила:

— В будущем тебя считают бессмертным.

— Я знаю, — усмехнулся поэт. — Вы уже говорили. Но знаешь... это не утешает. Потому что бессмертие — это не то, что остается, а то, чего не хватает. Вечность — холодна, если рядом нет живого голоса. Мое одиночество — не в том, что меня не понимают. А в том, что никто не спрашивает.

— Тогда мы спрашиваем, — сказал Вейр. — Зачем ты пишешь?

Ли Бо замолчал. Его взгляд скользил по поверхности воды, будто выискивая там недостающий слог.

— Потому что слово — единственное, что не умирает вместе со мной. Я живу в паузе между вдохом и выдохом. Там, где человек еще не заговорил, но уже чувствует. Стихи — это попытка поймать этот миг. Они не спасают. Но они делают боль красивой. А красота — это уже утешение.

— Но может ли искусство изменить мир? — спросила Эвелин. — Ты веришь в это?

Ли Бо усмехнулся.

— Искусство — не клинок и не указ. Оно не меняет мир быстро. Оно капает — капля за каплей — в сердце. И когда оно наполняется до краев — человек сам идет и меняет мир. Не потому, что должен, а потому что больше не может иначе.

Он откинулся назад, подставив лицо лунному свету.

— В поэзии нет цели. Только Путь. Конфуций хотел построить идеальное общество, упорядочить все. А я хочу просто плыть. Даос учит: «вода мягка, но побеждает камень». А я лишь ее звук.

— Но твой голос слышали сквозь века, — мягко сказала Эвелин. — Мы слышали.

Он посмотрел на нее с благодарностью — не как великий поэт, а как человек, которому вдруг стало легче дышать.

— Тогда скажите мне: в вашем веке... поэты все еще пьют под луной?

— Нет, — сказал Вейр. — Но они все еще ищут ее. Кто — в окне небоскреба, кто — в экране телефона, кто — в музыке. Иногда кто-то находит.

— Этого достаточно, — ответил Ли Бо. — Чтобы знать: все не напрасно.

Он вынул маленький свиток из-за пояса. На нем было несколько строк. Он протянул его Эвелин.

— Прочти. Своим голосом. Я хочу услышать, как мой стих звучит в другом времени.

Она аккуратно развернула свиток. Почерк был свободным и летящим, словно сам ветер вел кисть по шелку — ни следа колебания, только уверенность и дыхание строки.

Эвелин прочитала вслух — ясно, без спешки, с той сосредоточенной выразительностью, с какой читают не просто текст, а голос другого времени. Слова ложились мягко, но точно, будто она давно знала их наизусть:

*Я мечом рассекаю тьму —
и нахожу в ней свет.
Я падаю в реку —
и нахожу в ней небо.
Если ты ищешь Путь,
не забудь: он начинается с паузы
между двумя глотками вина.*

Наступила тишина. Но это была уже не та тишина, что в начале — это была тишина согласия. Понимания. Родства.

Эвелин бережно свернула свиток и с почтением вернула его Ли Бо. Но, прежде чем передать, заговорила:

— Пройдет пятьдесят зим после этой ночи цветущих слив. На берегу Дунтина, в Ланчжоу, другой великий по-

эт — Лю Юйси — напишет строки. Он не знал тебя, но говорил с тобой, как с братом. Вот его слова:

*Вчера на башне Весну я встречал,
Сегодня же ей вослед посылаю взгляд...
Орхидеи увяли... в росе, как в слезах,
Ивы ветвями машут в закат.
У зеркала — лик, но нет прежних черт,
У реки — изгнанник, чья мечта не сбылась.
Тысячи зим — все та же печаль,
И только вино эту боль укротит.*

Слова повисли в воздухе, как перо, которое не решается упасть.

Ли Бо взял свиток, но не сразу ответил. Он смотрел не на них — он смотрел куда-то сквозь фонари, сквозь воду, сквозь луну. Будто в этом далеком голосе он вдруг услышал эхо своего одиночества и одновременно родственный, созвучный ему голос.

— ...Он чувствовал, — наконец прошептал он. — Как я. Как будто мы сидели за одним столом, но с разницей в полвека. Он видел весну, когда ее уже не было. И все равно — поднимал чашу. Это... правильно.

Он медленно опустился на колени, сложил руки на груди и поклонился — не перед Эвелин и Вейром, а перед только что прозвучавшими словами. Перед их точностью. Перед их печалью, тихой и светлой, как утро после долгой ночи.

— Передай ему, — сказал он, поднимаясь, — если где-нибудь, в иной реке времени вы его встретите... что я слышал его. И под лунным деревом мы выпили вместе.

Он улыбнулся — той тихой, глубокой улыбкой, в которой было все: одиночество, признание, благодарность и прощание.

Затем, не повышая голоса, произнес:

— Завтра я вновь приду сюда, в сад, к этому павильону. Второй день праздника — это еще один круг возлияний и бесед, где вино и слово текут медленно, как вечерний свет.

Он снова улыбнулся — по-доброму, без тени торжественности.

— До новой луны, — сказал он, склонившись с ладонями, сложенными в приветственном жесте. — А может, и раньше... если ветер снова приведет нас к одному столу. Ведь подлинная беседа не требует завершения — она продолжается, пока сердце открыто.

За его спиной шелестели цветущие ветки слив. Он задержался на шаг, словно вслушиваясь в дыхание сада.

— Если мы встретимся снова — пусть даже в других телах, в других мирах — вы узнаете меня. Я буду рядом с лунной. Или с тенью, что повторяет танец.

Эвелин и Вейр медленно склонились в знак уважения перед поэтом — не как перед великим именем, а как перед человеком, в чьих словах отозвались их собственные мысли.

— Мы обязательно встретимся, — сказала Эвелин, глядя ему прямо в глаза взглядом, полным восхищения.

Ли Бо кивнул, словно это было самым простым и самым важным, что можно было сказать в этот час.

— Тогда... пусть произнесенные строки станут мостом между нами.

И он ушел — легко, бесшумно, как дым. Его силуэт растворился среди фонарей и деревьев. А луна осталась — в том же положении, как будто ничего не изменилось.

ГЛАВА 8. МУЗЫКА НАД ПРУДОМ

Когда шаги Ли Бо затихли среди деревьев и вечер окончательно уступил место глубокой ночи, Ши Лин пригласил своих гостей в павильон Орхидей:

— Через несколько мгновений в павильоне начнется концерт, — сказал он негромко. — Императорские танцовщицы исполнят танец под звуки пипы и циня. Если хотите, я с радостью проведу вас туда.

Вейр и Эвелин поблагодарили его за приглашение, но вежливо отказались. Все, что произошло за этот день — встреча с Ли Бо, слова, тишина, музыка, лунный свет — было настолько насыщенным и глубоким, что теперь они не стремились к новым впечатлениям.

Им хотелось просто немного побыть в тишине, у воды, под звездами — наедине со своими мыслями и чувствами.

— Мы немного посидим здесь, — тихо сказал Вейр. — Хочется просто... ничего не говорить и смотреть, как звезды отражаются в воде.

— Это тоже поэзия, — мягко улыбнулся Ши Лин. — Тогда после завершения концерта я найду вас. Мы вместе вернемся домой, ночь должна быть завершена покоем. Завтра будет новый день праздника, и пусть он встретит вас отдохнувшими.

Он поклонился и скрылся в направлении павильона, где уже слышались первые звуки струн, легкие, как прикосновение ветра. Вейр и Эвелин остались на берегу пруда, сидя на деревянной скамье среди теней деревьев и отражений звездного неба.

Пруд Нефритовой Луны лежал перед ними, как гладкое зеркало, в котором отражалась ночь. Лунная дорожка, дрожащая, светлая, как дыхание воды, скользила по глади пруда и мягко касалась берега прямо у их ног, будто безмолвно приглашая пройти по ней вглубь ночи. На поверхности пруда плавали лепестки сливы, ставшие похожими на звезды, упавшие с неба в воду. Из павильона доносилась музыка — медленная, полная тихой печали.

Ночь, опустившаяся на сад, мягко, почти незаметно размыла очертания предметов, сгущая тени и стирая границы между звуками и тишиной. Им не хотелось говорить — не потому, что нечего было сказать, а потому что каждое слово казалось бы лишним, чужим в этом спокойствии. В такие минуты молчание было честнее любого разговора.

Сад жил своей ночной жизнью. Где-то вдалеке вскрикнула птица — коротко, тревожно, словно напоминая о чем-то забытом. Едва слышно скрипнула сухая сосновая ветка. Послышался шелест шагов по гравию, легкий, почти неведомый. Танцовщица проскользнула мимо, и ее шелковый халат шуршал, как страницы книги на ветру.

Все эти звуки складывались в единый узор, как тонкие нити, вплетенные в ткань ночи. Они не нарушали тишину, а были ее продолжением. Здесь ничто не было случайным — даже молчание. Оно дышало вместе с садом, с ветром, с луной, скользящей по воде. И в этом дыхании звучала истина, которую не нужно было объяснять. Достаточно было просто быть ее частью.

Наконец Эвелин нарушила молчание.

— Я понимаю теперь, — тихо сказала она, не поворачивая головы, — почему Ли Бо не искал покоя. Он был частью этого ритма. Он не хотел его нарушить. Он жил в нем.

Вейр ответил после долгой паузы:

— А мы... мы все измеряли, искали форму для всего: для красоты, для истины, для самой жизни. Пытались выстроить гармонию — по линейке, по формуле. Но в итоге... построили только структуры. Порядок, в котором нет места для настоящей свободы, о которой нам говорил сегодня Ли Бо.

Из темноты, почти беззвучно, к ним подошел Ши Лин и сел рядом на скамью. Он выглядел немного уставшим.

— Я знал, что найду вас здесь, — сказал он. — Вы еще не ушли.

— Почтенный Ши Лин, как прошел концерт? Остались ли вы довольны выступлением? — спросил его Вейр.

— Все прошло хорошо, — ответил он. — Сначала были танцы, потом музыка. Танцовщицы выступили первыми, их было трое. Они двигались в такт музыке, все было точно отрепетировано. Музыка была живая — флейта, барабан и струнный инструмент. На флейте играл молодой ученик из провинции. Сыграл хорошо, уверенно.

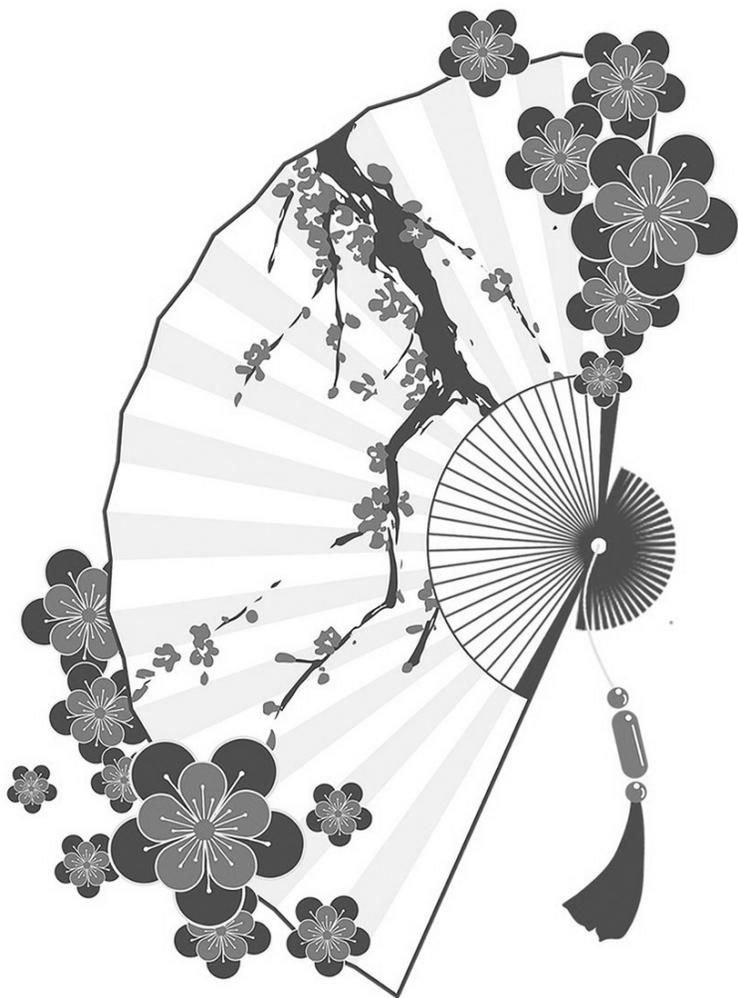
А потом я вышел на сцену. Сначала поприветствовал публику. А потом читал стихи — про весенний дождь, про старый храм... а затем рассказал одну притчу.

— Пожалуйста, расскажите эту притчу и нам, почтенный Ши Лин, — попросила Эвелин.

— Хорошо, я с удовольствием расскажу ее моим благородным гостям, — кивнул Ши Лин.

Он сделал глубокий вздох, помолчал немного... а затем начал рассказывать свою притчу:

— Один правитель захотел создать идеальное государство. Он построил прямые улицы, выровнял поля, установил строгие законы, назначил мудрых чиновников. Но че-

рез год — начался бунт. Он спросил даоши¹: «Почему? Я же все упорядочил». А даоши ответил: «Ты выпрямил реку. Но люди — не тростник. Они не гнутся одинаково».

— Значит, порядок невозможен? — спросила Эвелин.

— Нет, — ответил Ши Лин. — Он возможен. Но не извне. Порядок, насаждаемый, как палка, вызывает страх. А порядок, рождающийся изнутри — ведет к доверию. Тот, кто настроен на ритм мира, не станет его нарушать — не из страха, а из внутреннего согласия с порядком вещей.

— Но ведь история говорит об обратном, — возразил Вейр. — Каждая империя, строившая гармонию, заканчивала разрушением. Даже Тан.

Ши Лин утвердительно кивнул головой.

— Потому что они строили ее из страха смерти. А не из уважения к жизни. Порядок, как музыка, живет не в нотах — а в паузах. Там, где слушают. Там, где чувствуют.

Он поднял взгляд на отражение луны в пруду.

— Истинный порядок — не в иерархии, а в соотношении. Не во власти, а в ответственности. Не в подавлении, а в понимании. Мир не должен быть правильным. Он должен быть живым.

— А как достичь такого порядка? — тихо спросила Эвелин.

Ши Лин взглянул на нее с улыбкой, в которой чувствовались доверие и спокойствие.

— Сначала — избавиться от внутренней суеты. Перестать повторять чужие желания. Найти свою паузу. А потом — жить так, чтобы твое дыхание не нарушало дыхания мира.

---

¹ Даосский мудрец, отшельник или посвященный, часто монах или философ, следующий учению Дао.

— Спасибо, — прошептала Эвелин. — Теперь я понимаю, почему вы сидите среди сосен.

Ши Лин снова улыбнулся.

— Я сижу не для себя. Я сижу, чтобы кто-то мог сесть рядом.

Луна поднялась выше. Флейта смолкла. Только звезды продолжали свой танец — медленный, неизменный, древний.

Ши Лин обернулся к своим гостям. Его голос был все таким же спокойным, в нем слышалась теплая забота.

— Спасибо вам, благородные гости, за внимание к моим речам, — произнес Ши Лин. — Праздник продолжается, и завтра, значит, у нас еще будет время для бесед. Сейчас же пусть вас встретит тишина и отдых. Мой дом — рядом, и он открыт.

Вейр и Эвелин с благодарностью приняли приглашение. День был полон впечатлений, и теперь им необходим был покой. Все, что они услышали и увидели — образы, слова, музыка, атмосфера праздника — оставалось с ними. Но сейчас требовалась тишина, чтобы все это пережить и осмыслить.

Они неспешно покинули террасу павильона. Фонари еще горели, но в саду было почти пусто: одни лишь танцовщицы вдалеке завершали свой круг, и музыка растворялась в ночном воздухе.

Поздно ночью они вернулись в дом Ши Лина. Сад у его дома и терраса были все еще освещены лунным светом, который уже тускнел, исчезая за темными кронами деревьев. Луна уходила в глубину западного неба, оставляя мир в ожидании рассвета.

ГЛАВА 9. ДАО, КОТОРОЕ НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ

Утро было тихим и свежим. Сквозь легкий туман над прудом медленно поднималось солнце. На террасе Ши Лин неспешно накрывал стол с простой утренней едой: миски с отварным рисом, чай и блюдо с несколькими жареными рыбами — теплыми, с золотистой хрустящей корочкой.

— Караси из пруда, — сказал он, усаживаясь напротив. — Ловил сам, до рассвета.

Вейр взял палочки, попробовал — и удивился: вкус был насыщенным, с оттенком речной травы.

— Когда питаешься тем, что дал тебе свой сад, — сказал Ши Лин, — ты не противопоставляешь себя миру. Такая пища возвращает ощущение меры и связи с землей, с самим собой.

Он налил еще чаю и добавил:

— Рыба не спорит с водой. Потому и живет в ней свободно.

Наконец заговорил Вейр:

— Чем дольше мы здесь, тем менее уверенным я становлюсь. Раньше мне казалось, что знание дает силу. Что,

зная больше, мы становимся ближе к истине. А теперь... чем больше я знаю, тем меньше уверен, что знаю что-либо.

Ши Лин чуть улыбнулся.

— Ты подходишь к границе. Это хорошо. Истинное знание начинается там, где исчезает уверенность. Потому что то, что можно выразить — всегда лишь оболочка.

— А что находится за границей? — спросила Эвелин. — Молчание?

— Дао, — произнес Ши Лин. — Но не то, что пишется тушью. Не то, что цитируется. Настоящее Дао нельзя назвать. «Дао, которое можно назвать — не есть истинное Дао».

— Но как мы можем понять то, что не имеет имени? — спросил Вейр. — Мы ведь люди науки. Мы структурируем, классифицируем, называем. Без названия нет понимания.

— Без названия есть ясность, — ответил Ши Лин. — Но не та, к которой вы привыкли. Вы живете в мире, где все должно быть определено. Вещи, чувства, даже люди. Но как ты назовешь ветер? Он может быть северным, теплым, резким... но ты все равно не скажешь, чем он был тогда, когда коснулся твоего лица.

Он помолчал и продолжил:

— Язык — как лодка. Он нужен, чтобы пересечь реку. Но тот, кто носит лодку на спине, когда уже на суше, — глуп. Так же и с понятиями. Они — временные мосты, а не дворцы.

Эвелин с интересом взглянула на Ши Лина:

— Но если ничего нельзя назвать... как тогда различать истину и заблуждение?

— По тишине в сердце, — ответил Ши Лин. — Дао — не в словах. Дао — в созвучии. Вода не различает, но она следует руслу. Свет не спрашивает, но он освещает. Истина — это не высказывание. Это — присутствие.

— Мы боимся тишины, — призналась она. — В нашем веке она пугает. Потому что в ней — слишком много правды.

Ши Лин посмотрел на нее и улыбнулся:

— Потому что вы живете вне ритма. Ваш мир — это бесконечное утверждение. Но в мире, где все утверждают, никто не слушает. А Дао — это не то, что говорится, а то, что слышится, когда все остальное умолкает.

Эвелин долго молчала. А потом сказала:

— Спустя века после нашей встречи... один великий поэт, из страны к северу от вас, скажет: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше».

Она посмотрела на Ши Лина, будто ожидая от него несогласия, отклика — хоть какого-то отрицания. Но он только отставил чайник и посмотрел в сторону воды.

— Значит, он искал ее там, где правды не бывает, — тихо ответил он. — В земных суждениях... или в небесных схемах.

— А где она тогда? — спросила Эвелин. — Где правда, если она не на земле и не на небе?

Ши Лин не ответил сразу. Он взял чашу, поднес к губам, вдохнул аромат чая — и только потом произнес:

— Правда не там и не здесь. Она — в том, чтобы перестать искать ее. Когда ты перестаешь делить мир на «ложь» и «истину», истина сама проявляется в естественном ходе вещей — в дыхании, в тишине, в простом согласии с окружающим миром.

Вейр закрыл глаза. Он не знал, как долго длился разговор. Может, час. Может, вся жизнь. Он вспомнил, как писал научные статьи, как читал лекции, как настаивал на терминах, на границах между мифом и реальностью. И теперь все эти границы показались ему натянутыми нитями — и струнами одновременно. Их можно оборвать. А можно — сыграть на них.

— В нашем мире, — возразил он, — если ты не можешь объяснить, значит, ты недостаточно понял. А здесь выходит — если ты пытаешься объяснить, ты уже потерял суть.

– Не обязательно, – мягко ответил Ши Лин. – Иногда слова – это ветер, который подталкивает лодку. Но если ты забываешь, что лодка – лишь средство, ты становишься узником своего языка.

Он поднялся.

– Вы слышите больше, чем слышат многие. Но главное еще не сказано. Истина не приходит как дар – она раскрывается в прожитом: в движении, в паузе, в уходе.

Он взглянул на пруд, затем перевел взгляд на собеседников.

– Дао нельзя выразить, но можно воплотить. Живите так, чтобы ваше присутствие было словом, даже если вы молчите.

ГЛАВА 10. ИДЕАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И РАЗБИТАЯ ЧАША

Они снова встретились в павильоне — на следующий день, ближе к закату. Сад был почти пуст. Лишь кое-где под ивами сидели поэты, беседуя вполголоса, или старцы, уставившиеся в воду, словно ожидая, что она подскажет им забытую строку.

Ветер касался поверхности пруда. Время шло неторопливо, как вечерний свет, задерживающийся на поверхности водной глади.

Вейр и Эвелин сидели с Ли Бо за столом у колонн, его кувшин с вином был отвязан от пояса и стоял на столе. На лице Ли Бо была улыбка человека, который уже ничему не удивляется и только радуется жизни.

Ши Лин присоединился чуть позже. Он нес чашу из черной керамики. Но когда он подошел к столу, где уже сидели собеседники, чаша вдруг выскользнула из рук и, упав на каменную плиту веранды, раскололась на три неравные части.

— Символично, — сказал Ли Бо, — разговор о порядке начинается с разбитой чаши.

Вейр усмехнулся едва заметно — с оттенком тихой иронии.

– Разбитая чаша — это и есть символ всех утопий. Сколько ни строй, все разобьется. История доказала это десятки раз.

Эвелин кивнула, соглашаясь с профессором. Вейр продолжал:

– Во многих эпохах люди пытались построить идеальный порядок. В моем времени мы писали конституции, заключали международные договоры, создавали идеологии. Мы говорили о равенстве, о справедливости, о мире. Но снова и снова получали войны, колонии, оковы вместо свободы. Почему так? Почему даже сейчас — когда у нас есть все, что когда-то казалось недостижимым — мы все еще не можем создать справедливый мир?

Ли Бо ответил первым. Он отодвинул от себя свою чашу и сказал:

– Потому что порядок — не то, что можно установить. Он возникает сам, когда человек не мешает Пути. Слишком много слов, слишком много правил, слишком много вмешательства — и люди совершают еще больше ошибок. Дао не требует законов. Оно не нуждается в декларациях. Люди же боятся пустоты и заполняют ее законами. Отсюда — беда.

Он замолчал на миг, затем добавил:

– Я много лет скитался, пил с пастухами, читал стихи ветру. Везде — один и тот же мир. Не он виноват, а мы. Мы хотим управлять тем, что не поддается управлению.

В беседу вступил Ши Лин. Его голос был спокоен, но тверд.

– Слова Ли Бо мне близки. Но все же я верю в усилие. Без него мир разваливается. Да, порядок нельзя навязать, но его можно воспитать. Не в других — в себе. Конфуций учил: начни с себя, исправь свою речь, свое поведение, свои мысли — и только потом иди к другому. Тогда порядок не будет внешним, он станет продолжением внутреннего.

Он внимательно посмотрел на Вейра.

— Может быть, в вашем времени слишком много думают о системе и слишком мало — о человеке. Порядок не начинается с договора. Он начинается с уважения, с доброты, с искренности. Без этого любое государство — пустая оболочка.

Вейр кивнул головой в знак согласия.

— Значит, ошибка — в нас самих. Мы хотим все изменить вокруг, не меняя себя.

— Именно, — тихо сказал Ши Лин.

— А порой и менять не нужно, — с легкой улыбкой добавил Ли Бо. — Достаточно не мешать.

На мгновение наступила полная тишина. Только ветер шевелил ветви, и лепестки продолжали падать — медленно, точно и без всякой спешки.

Эвелин посмотрела на собеседников и тихо произнесла:

— Может быть, истина — не в выборе между действием и покоем. А в том, чтобы чувствовать, когда наступает час для каждого из них.

Наступила пауза.

— Все потому, что мы люди, — задумчиво произнес Вейр. — Слишком сложные, слишком разные. Одному нужен порядок, другому — свобода. Одному — закон, другому — сострадание. И каждый считает свою правду единственной.

— Тогда, быть может, — сказал Ли Бо, — вы строили не для мира, а для себя?

— А разве это преступно? — спросила Эвелин. — Строить общество, в котором тебе и другим будет хорошо?

— Нет, — ответил Ши Лин. — Но преступно думать, что это «хорошо» можно навязать всем. Конфуций говорил: «Порядок Поднебесной начинается с правления сердца».

— Это звучит красиво, — сказал Вейр с легким вздохом. — Но сердце нельзя измерить. А без меры трудно строить законы.

— Именно потому, что вы пытались измерить, — ответил Ли Бо, — вы утратили ощущение меры.

Он поднял с каменной плиты кусок разбитой чаши, повернул в руке, посмотрел на скол.

— Даже разбитая, она не теряет своей сути. Если захотеть, ее можно собрать. Она не будет такой, как прежде, но в этом и есть подлинность. Трещины — не уродство. Это след времени, и его не нужно скрывать. Почему вы хотите порядок, в котором нет ни одной трещины?

Эвелин задумалась. Потом сказала:

— Наверное потому, что мы боимся хаоса.

— А вы уверены, что то, что вы называете хаосом, не является скрытым порядком? — тихо произнес Ши Лин.

Вейр откинулся назад. Он долго смотрел на куски чаши.

— А если мы допустим, что порядок возможен... каким он должен быть?

Ли Бо неспешно разлил вино по чашам.

— Порядок, в котором каждый может быть собой — и при этом не причиняет вреда другому. Порядок, где право — не кнут, а ритм. Где правитель — не вершина, а узел, соединяющий потоки. Где право возникает не из страха, а из внутреннего согласия.

Ши Лин добавил:

— Такой порядок невозможен, если люди будут бояться тишины, в которой слышен их собственный голос. Он начинается с простого: научись быть. Потом — научись быть с другим. Потом — научись быть для других. Это не схема. Это Путь. И он долгий.

Эвелин взяла в руки один из осколков чаши, нагретый солнцем и все еще хранящий в себе тепло солнечных лучей.

— А если никто не захочет идти по нему?

– Тогда мир останется разбитым, – сказал Ли Бо. – Но в каждом осколке все равно будет отражение луны.

Наступила долгая, ясная тишина. Вейр, глядя на осколки, тихо произнес:

– Значит, идеальный порядок – не цель. Это способ идти. Даже если чаша разобьется снова.

Ши Лин склонил голову.

– Именно. Путь – и есть порядок. А все остальное – декорации.

ГЛАВА 11.

ШАГ ЗА ПРЕДЕЛ

Знающий не говорит, говорящий не знает.

Лао-цзы

Свет уходил с каменных плит террасы медленно, как вода отступает от берега, когда утихает прилив. Небо становилось глубже, прозрачнее, и между ветвями сосен проступали первые звезды — крупные, яркие, будто ближе, чем обычно.

Собеседники сидели на том же месте, за столом у колонн.

— Мы должны возвращаться, — наконец произнес Вейр. — Система готова. Окно скоро закроется.

Эвелин не ответила сразу. Она смотрела на воду, и в ее взгляде было то, что нельзя перевести на язык будущего — тоска не по времени, а по внутреннему состоянию, которое уже никогда не будет прежним.

— Я боюсь, — сказала она наконец. — Не возвращения. А того, что все это станет воспоминанием. Что мы вернемся — и мир нас затянет. Суета, экраны, списки задач, новости, войны, спешка... Я боюсь потерять это чувство... утратить ощущение ясности, которое пришло ко мне за эти дни.

— Оно уже в вас, дорогая Эвелин, — сказал Вейр. — Если вы боитесь его утратить, значит, оно стало частью вашей души.

Ли Бо внимательно посмотрел на профессора и Эвелин, словно запоминая их лица.

— Когда приходит прощание, — тихо сказал он, — я не ищу новых слов. Достаточно тех, что уже были. Я однажды написал эти строки для друга. Он покидал Чанъань по указу императора и направлялся в Ханчжоу. Туда, где находится одно из самых прекрасных озер на свете — озеро Сиху. Сегодня — читаю его вам:

*На севере — горы, где кончается города тень,
На востоке — река у изгиба последней стены.
Мы стоим на дороге. Ты машешь рукой.
И уносит тебя в путь быстрокрылый конь.
В облаках — твои думы, в небесной дали — твой взгляд,
А во мне — только красного солнца прощальный свет.
Ты ступил за предел, не обернувшись назад —
И конь твой заржал в опустевшую даль.*

Затем Ли Бо слегка склонил голову в знак уважения и добавил почти шепотом:

— Лао-цзы сказал: «Знающий не говорит, говорящий не знает»¹. Так пусть ваш Путь продолжится — без слов.

Он повернулся и зашагал своей легкой походкой по тропе, теряясь в тумане среди высоких стеблей бамбука. Его шаги звучали все тише, пока не слились с дыханием ветра.

— Вы готовы? — тихо спросил Ши Лин.

— Мы не знаем, — ответил Вейр. — Но, наверное, никогда нельзя быть готовым по-настоящему.

---

¹ Это высказывание Лао-цзы является одним из самых глубоких и загадочных выражений даосской философии. Оно несет в себе критическое отношение к словам как способу постижения истины.

Ши Лин остановился напротив них.

— Тогда позвольте мне сказать, благородный Ай-Дэ.

Он достал из-за пояса небольшой свиток и нарисовал на нем фигуру наподобие подобие круга.

— Время — это не поток и не прямая линия, — сказал Ши Лин. — Его не измерить шагами. Время — как сад, раскинувшийся в круге. В нем нет начала и конца, есть лишь тропы, по которым можно идти. Есть павильоны, где мысли отстаиваются, как чай. Есть пруд, где отражения говорят больше, чем слова. Есть скамьи, где можно просто сидеть и слушать.

Ши Лин сделал паузу.

— И если ты спокоен и не торопишься бежать быстрее, чем нужно, — можно услышать, как одно мгновение откликается в другом. Тогда прошлое и настоящее не противостоят друг другу. Они существуют вместе.

Он посмотрел на Вейра и Эвелин.

— Вы не изменили ход своих мыслей — и в этом ваша мудрость. Вы шли к своей цели с пониманием сути происходящего, и Путь прошел через вас. Теперь он внутри вас — как сад, в котором вы уже побывали и который останется с вами навсегда.

Эвелин подняла глаза:

— А память? Она останется?

— Нет, — ответил Ши Лин. — Не в полной мере. Ваша эпоха слишком тяжела для памяти. Но не бойтесь. Все, что было услышано по-настоящему — остается. Может быть, в жесте. В интонации. В том, как вы помолчите в нужный момент. Вы станете теми, кто слышал сад.

— А можно ли... вернуться? — спросил Вейр.

Ши Лин покачал головой.

— Не в это же место. Не в эту же тишину. Дао не повторяется. Но сад будет ждать вас — в другой форме. Может быть, в старом человеке, которого вы встретите. Может быть, в книге. Или в чаше с простым чаем, если вы выпьете ее не торопясь.

Они молчали.

— И еще, — добавил он. — Когда вы вернетесь в свое время, не спешите говорить. Слушайте. Там, где говорят все — тот, кто умеет слышать, поймет вас.

— Учитель Ши, — произнес Вейр, склонив голову в знак уважения, — пусть мои слова будут кратки, но искренни. Благодарю вас за беседу, за молчание, за путь, который вы открыли перед нами. Мы уходим, но с нами — ваша ясность.

Он сделал шаг назад, сложил руки перед собой и тихо добавил:

— Да пребудет с вами мир Великого Пути.

Эвелин стояла рядом. Она не сразу заговорила, а лишь мягко поклонилась. Затем произнесла:

— Учитель Ши, за время, проведенное в этом саду, я многому научилась — не умом, а сердцем. Ваши слова останутся со мной, так же как и тишина между ними. Пусть ваши шаги будут легки, а ум — ясен, как вода в утреннем пруду.

Ши Лин кивнул молча, как человек, понимающий, что это не прощание, а продолжение Пути.

Вейр активировал через ручной манипулятор модуль перемещения во времени. Свет изнутри наполнил пространство — не яркий, но плотный, как вода, в которой отразились звезды. Воздух завибрировал. Все стало зыбким. Сосны, вода, лица — все словно поплыло. Граница между мирами снова сжалась.

Эвелин посмотрела на Ши Лина в последний раз:

— Мы узнаем тебя, учитель Ши... если встретим?

— Узнаете, — сказал он. — Я буду тем, кто сидит у края тишины. С чашей чая. И — не говорит. Но видит.

ГЛАВА 12.

ПРИШЛО ВРЕМЯ СЛУШАТЬ

Воздух снова стал плотным, насыщенным и привычным, шелест сосен сменился равномерным фоновым шумом лабораторного зала, наступила пауза.

Вейр стоял, не двигаясь. Его ладони были сложены перед собой — как в момент, когда он прощался. Он даже не сразу понял, что вернулся. Просто исчез запах сосен. Исчез лунный свет. Просто исчез запах сосен. Лунный свет рассеялся. Остался только он — и едва ощутимое головокружение, как эхо пройденного пути.

Эвелин молчала. На лице ее застыло выражение, в котором смешались растерянность, покой и тихая печаль.

— Мы... вернулись, — произнесла она, но голос звучал непривычно глухо, как если бы говорил кто-то другой, не она сама.

Модули вокруг мигали синим. Стены были серыми. Все снова стало функциональным, привычным... обыденным.

— Сколько прошло времени? — спросил Вейр, глядя на экран.

— По счетчику — пятнадцать минут, — ответил лаборант.

— А у меня ощущение... как будто мы прожили там целую жизнь.

Он медленно снял с себя головной убор, сложил его, как ритуальный предмет. Затем — свой шелковый халат. Он свернул ткань бережно, как сворачивают рукопись.

— Я думаю, что все останется навсегда с нами, — сказал он, не глядя на Эвелин.

— Я уже начинаю забывать. Не имена — ощущения. Звук ветра в соснах. Вкус того чая. Даже голос Ши Лина... он как будто растворяется. Я ловлю его, а он — ускользает.

— Память живет не в словах... и не в ощущениях, — произнес Вейр. — Она — в том, кем мы стали, пройдя этот путь.

Профессор и Эвелин вышли из модуля. В коридоре светили неоновые панели. Где-то работал кондиционер. Раздался звук входящей почты на терминале.

Они молча прошли мимо стенда с новыми исследованиями, мимо постеров, мимо своих прошлых мыслей, застывших в графиках и формулировках.

— Мы слишком много говорим, — вдруг сказала Эвелин.

— И слишком мало слышим, — добавил Вейр.

Они остановились на лестничной площадке, откуда открывался вид на городской вечер — стекло, улицы, светящиеся окна. Машины, спешка, вечно движущиеся силуэты.

— Что мы будем делать теперь? — спросила она.

— Жить тише. Слушать чаще. Возможно, писать.

— О чем?

Вейр улыбнулся.

— О тишине. О паузе между словами. О людях, которые умеют не отвечать сразу.

— Значит... не зря?

Он посмотрел на Эвелин.

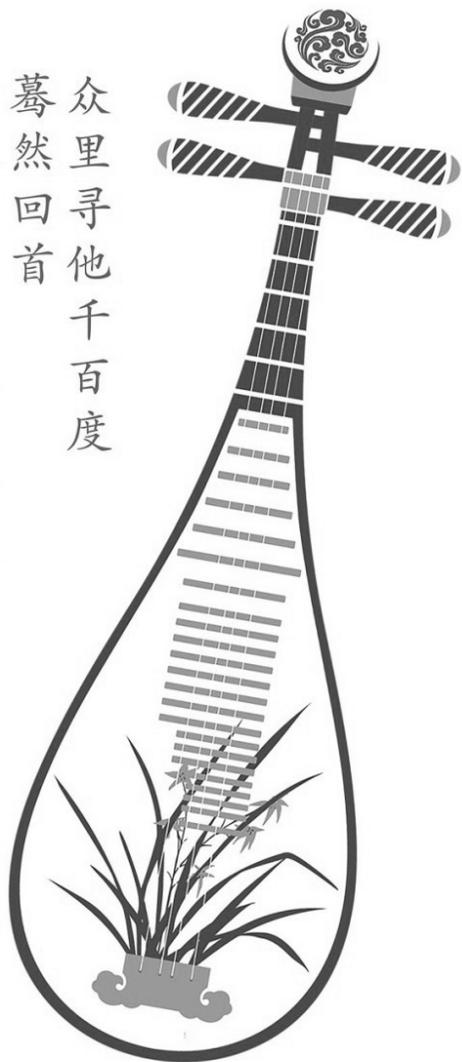
— Не зря. Все, что мы пережили, — было настоящим. Даже если завтра мы не вспомним имен. Мы пронесем их, как внутренний свет. Как присутствие.

Эвелин кивнула. А потом достала из внутреннего кармана складной лист — старую записку, которую оставила в сумке перед отправлением. На ней было написано всего две строки:

Если истина молчит — значит, пришло время слушать. Если она говорит — значит, пора меняться.

Эвелин перечитала и улыбнулась. Они стояли в прозрачном мире, полном света и звука, — но уже умели слышать тишину.

众里寻他千百度
蓦然回首
那人却在灯火阑珊处

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Зеркало времени	5
Глава 2. Шум сосен над тишиной	13
Глава 3. Чайная тропа Ши Лина	22
Глава 4. Среди цветущих слив	31
Глава 5. Слово, плывущее к луне	38
Глава 6. В павильоне Орхидей	47
Глава 7. Диалог с поэтом	57
Глава 8. Музыка над прудом	63
Глава 9. Дао, которое нельзя назвать	69
Глава 10. Идеальный порядок и разбитая чаша	74
Глава 11. Шаг за предел	80
Глава 12. Пришло время слушать	85

Виктор Харебов
Сергей Харебов

Свет луны в пустой чаше
Из цикла «Хроники стародавних царств»

Корректор Елена Кормильцева

Золотой век Китая — эпоха Тан, когда меч и кисть, власть и поэзия, ритуал и личная философия нашли почти мистическое равновесие. Среди цветущих слив и звуков флейты над прудом двое путешественников во времени встречаются Ли Бо — поэта, чьи строки живут сквозь века. В этой повести — беседы о тишине, свободе и вечности. О встрече, которая не могла произойти, и о свете луны, который остается даже в пустой чаше.

ISBN 978-5-0067-1696-4

9 785006 716964 >